

Александр Чернов

ВЛАДИВОСТОК – ПОРТ-АРТУР

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Борисович Чернов
Владивосток – Порт-Артур
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Одиссея крейсера
«Варяг»», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67100283

*Одиссея крейсера «Варяг» : Владивосток – Порт-Артур : роман /
Александр Чернов: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-146900-9*

Аннотация

Жестокое морское противостояние на Дальнем Востоке подошло к решительному перелому. Если русские моряки смогут объединить эскадры Макарова, Чухнина и Руднева, собрав на рейдах Порт-Артура корабельную группировку, численно и качественно превосходящую Соединенный флот адмирала Того, перспектив на победу в войне у японцев практически не останется.

Тем временем у восточного побережья Страны восходящего солнца на торговых коммуникациях врага ведут крейсерские операции корабли адмирала Безобразова, используя тайные якорные стоянки островов Марианского архипелага и уголь

с пароходов германской компании Альберта Баллина. Потери судов, их грузов и взлетевшая до небес стоимость фрахта сулят островному государству катастрофические последствия.

Однако военно-морской флот Японии не разбит. Не побеждена ее армия в Маньчжурии. И хотя трезвые головы в Токио уже прекрасно понимают, что при имеющемся раскладе война их страной проиграна окончательно и бесповоротно, из-за самурайского упорства имперского генералитета боевые действия продолжаются с нарастающим ожесточением.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	25
Глава 2	78
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Александр Чернов

Владивосток – Порт-Артур

Ремейк книг Г. Б. Дойникова «„Варягъ“ – победитель» и «Все по местам! Возвращение „Варяга“».

На основе оригинального таймлайна Мир «Варяга»-победителя–2 (МПВ-2).

Больше «Варягов»! Хороших и разных!
Глеб Дойников

Пролог

Санкт-Петербург. Балтийское море.

Июль 1904 года

Вадим со сдавленным стоном открыл глаза, проснувшись в холодном поту. Фаворита и «властителя дум» самодержца всея Руси трясло от ночного кошмара. Во сне ему привиделись последние минуты жизни отца. В подвале олигарховской дачи на Рублевке перед одиноким, изрядно сдавшим и постаревшим родным человеком стоял трудный выбор: слить последние полбутылки коньяка на корм генераторам стабилизационного поля, добавив тем самым себе несколько десятков минут существования, или принять ее содержимое внутрь. Для храбрости перед лицом неизбежного.

Отец избрал второй вариант...

Нестерпимый ужас выбросил Вадика в реальность в тот самый момент, когда генератор чихнул в первый раз: он хорошо помнил, что делает с человеком та серая муть «съехавшего с катушек» пространственно-временного континуума, которая неизбежно поглотит и подвал, и отца в тот самый миг, когда генераторы поля встанут окончательно.

Судорожно сглотнув, Вадим потянулся за спасительным стаканом с холодным чаем. Где-то наверху раздавался топот ног и залиvistый свист боцманских дудок. На «Князе Суворове» готовились к подъему флага.

Мутило...

Но сознание, постепенно проясняясь, подсказало бывшему доктору с «Варяга», что тошно ему не от стресса, вызванного страшным сном. И не от вечерних возлияний, избежать которых, учитывая персоналии собравшейся компании, не было даже тени шанса. Просто корабль ощутимо покачивало, что сказалось на его уже подотвыкшем от палубы вестибулярном аппарате.

«Да, папе там не позавидуешь. Нужно что-то для него придумывать. Надеюсь, время еще есть. Вот только с серой мутью, перемалывающей всех почище „мясорубки“ из „Пикника на обочине“ Стругацких, теперь, похоже, точно уже ничего не поделаешь. И для этого вчера мы с Николаем Александровичем, Дубасовым и герром Тирпицем постарались поболее, чем Василий и Петрович на Дальнем Востоке вместе за все время их разборок с Японией. Мир переходит на другие рельсы. Этот раунд лондонская родня царя и кайзера проиграла. *Finita la comedia!* Можно сказать и так... Но... бедный мой отец...

А германец-то мудр... Ох, и не прост наш дражайший Альфред! Потрясающе, как Вильгельм умудрился не использовать по полной потенциал такого матерого человечества?.. Петровичу с Василием надо будет про события двух дней подробно написать. И немедленно. Пока все свежо в памяти и меня никто еще не хватился. Хотя... как сказать, „свежо“? После шампанского, шлифанутого пятнадцатилетним коньячком? Похоже, только качество исходных продуктов спасло всех переговорщиков... или заговорщиков... от неконтролируемых результатов в виде тяжелого похмелья и спазматической реакции желудков. Ну, да... однозначно, заговорщиков. А как еще, спрашивается, окрестят будущие англовские историки нашу теплую компашку?»

Новоиспеченный действительный статский советник Банщиков выбрался из постели, прошел к умывальнику и, сполоснув наскоро лицо, критически оглядел полученный результат в зеркале. После чего с тяжким вздохом подсел к бюро, где его ждали бумага и чернила. Командир «Суворова» каперанг Игнациус не только любезно предоставил ему свою каюту, но и позаботился о том, чтобы все необходимое военно-морскому секретарю императора для работы было у него под рукой.

Тут же, рядом с писчими принадлежностями, Вадим увидел несколько карандашных рисунков, сделанных хозяином каюты вчера и позавчера: Василий Васильевич был талантливым художником-маринистом. На одном листке тяж-

ко кренился в развороте могучий восьмибашенный гигант «Александр III» под флагом контрадмирала и императорским штандартом. На другом – глубоко вспарывал таранным форштевнем пенящуюся волну аккуратный, ладный германец «Мекленбург» под флагами военно-морского статс-секретаря Тирпица и командующего флотом на фор-стенгге, а под топом его грот-мачты развернулся от налетевшего порыва ветра огромный штандарт кайзера. Пожалуй, даже непропорционально большой в сравнении с реальным размером. Но Игнациус, очевидно, зная про болезненную самолюбивость Вильгельма, сознательно решил погрешить против истины и законов перспективы.

«Ну, что же. Художник так видит, – усмехнулся про себя Вадим. – В конце концов, имеет право. Ведь его коллеги, все как один, изображают кайзера на портретах с левой рукой пропорционального для здорового человека размера, а не с его реальной усохшей, дистрофичной лапкой, при первом взгляде на которую меня даже пробило на жалость. Хотя папина наследственная генетика врача в тот момент подсказала, что с врачебной точки зрения самым наилучшим выходом для психического здоровья такого пациента была бы ампутация левой верхней конечности ниже плеча...»

Поодаль от вполне проработанных рисунков лежал последний черновой набросок. Игнациус поймал момент вчерашнего совместного маневрирования, когда российские и германские броненосцы шли рядом, парами, практически

борт в борт. «Александр» и «Мекленбург», «Суворов» и «Виттельсбах», «Орел» и «Швабен». На бумаге в карандаше, собственно, как и в реальности, наши «бородинцы» выглядели заметно внушительнее. Что, кстати, не преминул подметить ревнивый Вильгельм, когда без обиняков заявил Николаю Александровичу после осмотра русского флагманского броненосца: «В следующий раз, когда я пожалую к тебе в гости на „Брауншвейге“, дорогой кузен, ты сможешь лично убедиться, что мои новейшие броненосцы ни в чем твоим не уступят. А в некоторых моментах... но – нет, не буду разглашать секретов моего дорогого Тирпица. Пусть он потом сам тебе все покажет!»

«Похоже, мой радушный хозяин умудрился сохранить для истории тот самый момент, когда все и свершилось...» Мысли Вадима вернулись во вчера, в адмиральский салон на «Александре», где прошлым вечером произошло событие, которое должно было окончательно «отменить» его, Петровича, Василия и Фридендера историю. Их мир... Мир оставшегося там отца, собственным гением и руками заварившего эту кашу. И которого теперь нужно, хоть кровь из носу, но вытаскивать из смертельной рублевской ловушки.

* * *

Банщиков приехал в Зимний загодя, чтобы быть у императора ровно в девять утра, как им было назначено. В отли-

чие от «его» истории, царь теперь довольно много времени проводил в Зимнем дворце, а не в царскосельском Александровском. Оперативно вызвать и выслушать того или иного чиновника, министра, военного или ученого проще было на набережной Невы в столице, не теряя времени на ожидание его прибытия в Царское Село.

Ольга также была здесь, она ночевала в дворцовых покоех. После взаимных приветствий и дежурного поцелуя руки, большего в присутствии не позволишь, Вадим поинтересовался, не знает ли случайно Ольга Александровна, почему ее царственный брат пригласил их сегодня необычно рано? Но великая княгиня тоже не догадывалась о причине спешки. И была не менее заинтригована.

Когда стрелки громадных напольных часов еще только подкрадывались к девяти, к ним вышел государь и с блуждающей на лице хитровой, заговорщической улыбкой бросил: «Ну-ка, ступайте за мной, скорее!» Как только двери кабинета за спинами вошедших закрылись, он извлек из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул Баншикову со словами: «Вот, почитайте. Обсуждать сейчас это подробно не будем. Но, похоже, пасьянс наш начинает складываться. Он желает встречаться, даже зная нашу предварительную позицию по Франции, Балканам, проливам и торговому договору. И очень удачно, что граф Ламсдорф до сих пор не вернулся из Константинополя.

Кстати! Бирилев доложил мне вчера, когда я вас уже от-

пустил, что наш туз из рукава – „Князь Потемкин-Таврический“ – к походу практически готов, артиллерия установлена, запасы приняты. Чухнин на борту „Святителей“ повел его в море, просит дать еще пару недель на боевую подготовку... И самое главное: слава богу, Аликс и маленький чувствуют себя хорошо, поэтому она не возражает против нашей очередной морской прогулки.

Так что, Михаил? Едемте в Кронштадт сразу? Особенно срочных дел у вас ведь пока нет? Если что-то уже запланировали, надо переносить. Дядя, Авелан и Витте ничего не должны успеть пронюхать. Ни о будущей нашей встрече с кайзером, ни об указе, что я вчера подписал. Пойдем на „Поллярной“. Иессен встретит нас в море, шифровку ему отправит Нилов».

Банщиков держал в руках личное, секретное послание государю от кайзера Вильгельма II. И если опустить пространную преамбулу, уверения в горячей любви и вечной дружбе, главное выразилось следующими словами: «Ники! Никто тут ни о чем не подозревает. Все мои гости уверены, что мы отправляемся к Готланду на обычные морские маневры. Воображаю физиономии кое-кого из моих флотских, когда они увидят там твои линкоры! Tableau! Бюлов остается в Берлине. Ты совершенно прав: нам необходимо обсудить торговый договор, и не только его, без моего канцлера и твоего Витте, тет-а-тет, иначе они будут препираться бесконечно. Так что из моих – только Рихтгофен и Тирпиц. Возь-

му с собой, как ты просишь, любезного графа Остен-Сакена. И, конечно, никаких фотографов. Но все равно он страшно взволнован: наш милый старик до смерти боится, что тебе и Вите донесут, с кем и куда он едет!

Какой костюм для встречи? Предлагаю, как в Ревеле: я в русском морском мундире, ты – в германском. Если возражаешь – телеграфируй. Твой Вилли».

Пока Ольга Александровна внимательно дочитывала прочувствованное послание царю от германского монарха, Вадик вспоминал, из-за чего заварилась вся эта «тевтонская» каша...

* * *

То, что позволено Юпитеру, не позволено быку... Для России «дружба» с французами и англичанами закончилась десятками миллионов смертей на протяжении трех с небольшим десятилетий. Ни одна страна, ни один народ не терял стольких своих сыновей и дочерей за столь краткий исторический промежуток. Для любой другой державы физическое истребление четвертой части ее населения оказалось бы фатальной катастрофой (исключая, наверное, Индию и Китай, правда, там и абсолютные численные показатели в разы выше наших).

Но российская держава, взнузданная и пришпоренная титаническими усилиями Иосифа Сталина, жестко оградивше-

го новую государственную элиту от соблазна подкупа из-за рубежа идеологическим и репрессивным забором, выдержала и устояла. Да, все эти усилия сопровождались жестокостью в подавлении любого активного или пассивного внутреннего сопротивления. Было ли это оправданным в тактике державного вождя? Хотя бы по той простой причине, что времени на раскачку, убеждения или уговоры ни ему, ни его стране отпущено не было?

Только вопрос не в оправданности, а в отсутствии иных вариантов, приводящих к позитивным для страны результатам. Что неумолимо и подтвердил весь последующий ход исторических событий. К сожалению, преждевременная и, весьма вероятно, неестественная смерть не позволила Отцу народов оставить после себя саморегулирующуюся, властную государственную систему с обратной связью и механизмами дозированного обновления госэлиты. Единственный же человек из «команды Сталина», способный такую систему отстроить, Лаврентий Берия, был трусливо, предательски убит. Переступив через его тело, к власти пришли «южане», не желающие или неспособные видеть перспективы страны и себя любимых дальше текущей политической конъюнктуры, что и запрограммировало ее катастрофу.

В итоге все жертвы и титанические усилия многих поколений были сведены на нет. Попытавшись «законсервировать» политико-экономическую систему под себя по «кривым» лекалам Победоносцева, лидеры «позднего СССР» сподоби-

лись проиграть «холодную войну» Западу, результатом чего стали новые миллионы погибших в ходе развала советской империи и внутреннего геноцида. А затем – юридическое закрепление катастрофы, сравнимое с Версалем и Потсдамом, великое «беловежское» национальное унижение русского народа, отсечение от нашей страны территорий Украины, Белоруссии, Казахстана, ее исторических окраин на юге и западе; превращение суверенной, мировой державы в импотентную, подконтрольную Западу сырьевую «ЭрЭфию», вскоре докатившуюся до абсурдного, постыдного дефолта.

Неужели история действительно учит только одному – тому, что она никого ничему не учит? Лишь жестоко спрашивает за невыученные уроки... Или же это только про нас, русских?..

К счастью для Вадика, Петровича и капитана ГРУ ГШ Василия Колядина, чем все может закончиться для России в нашем мире, их уже не интересовало. Им выпал уникальный шанс предотвратить кровавый кошмар агонии величайшей в мире державы в зародыше.

* * *

В «том» времени, когда все только начиналось и он жарко «рубился» с Петровичем на цусимских форумах в разделе альтернативной истории по поводу прорыва «Варяга» из Чемульпо, Вадим регулярно залезал в тему несостоявшегося

ся в реале российско-германского военного союза, где Петрович периодически зависал. А поскольку ему приходилось из всех сил играть роль корректного и последовательного оппонента нынешнего контр-адмирала Руднева, Вадик вынужден был волей-неволей разбираться в некоторых хитросплетениях мировой политики начала двадцатого столетия. Надо сказать, гадюшник это был еще тот...

Петрович, как, впрочем, и многие участники обсуждения, искренне считал, что русско-германский союз – это или утопия, или же односторонняя сдача Россией своих интересов немцам, грозящая превращением нашей Родины в тевтонскую полуконию, германский сырьевой придаток. Вадим, поначалу лишь вынужденно отстаивавший иную точку зрения, для пристойной аргументации поневоле должен был «копать тему глубоко». И еще много-много думать.

Громче и яростнее всего копыя в этих спорах ломались вокруг одного уникального документа: подписанного Николаем II предложенного кайзером союзного договора, известного как Бьеркское соглашение 1905 года, так никогда и не вступившее в силу. По мнению ряда историков, так случилось из-за непримиримой позиции «профранцузской партии» при русском дворе и в правительстве, в первую очередь господ Витте и Ламсдорфа.

Большинство мемуарных книг, исторических работ и периодических изданий, причем как российских, так и советских, и даже эмигрантских, трактовали подписание этого до-

говора однозначно: как глупость бесхребетного русского царя. Как его фатальную личную ошибку, способную привести к молниеносному разгрому Франции немцами при попустительстве предавшей ее России. А потом для нас неизбежно наступал бы «1941-й» в 1914-м...

Однако Вадима не отпускало ощущение фальши подобной аргументации. Ведь историю всегда пишут победители, которым заискивающе поддакивают желающие оправдаться в их и своих глазах побежденные. Он тщательно изучил текст Бьеркского договора, а поскольку дебаты на форумах доходили до разбирательства его по фразам и знакам препинания, помнил его практически наизусть:

«Статья I. Если какая-либо из держав нападет на одну из империй, другая договаривающаяся сторона обязуется помочь своему союзнику в Европе всеми имеющимися в ее распоряжении силами на суше и на море.

Статья II. Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать сепаратного мира с какой-либо из враждебных стран.

Статья III. Настоящий договор вступает в силу с момента заключения мира между Россией и Японией и может быть расторгнут только после предварительного предупреждения за год.

Статья IV. Когда настоящий договор вступит в силу, Россия предпримет необходимые шаги, чтобы осведомить о

его содержаниями Францию, и пригласит ее как союзника подписаться под ним».

Поразительно, но это предложение кайзера было сделано Николаю *после* Цусимы, когда от русского флота практически остались рожки да ножки! После Мукдена, когда и русскую армию «в Европах» перестали считать за серьезную силу...

Поразительно это предложение Вильгельма еще и потому, что сделано оно было вопреки очевидной противной позиции статс-секретаря по военно-морским делам Альфреда фон Тирпица и статс-секретаря по иностранным делам Освальда фон Рихтгофена. Оба они, учитывая поражение России в войне с Японией, опасались немедленного нападения Англии сразу по оглашении документа. На помощь России на море тогда, по понятным причинам, можно было не рассчитывать.

Этот фактически антибританский союз был предложен кайзером царю в момент, когда доминированию британского линейного флота на морях и его «двойному стандарту», на первый взгляд, вновь ничто не угрожало. Особенно после недавнего подписания англо-французского договора «сердечного согласия». Но у него была и занятая предыстория.

Текст Бьеркского соглашения практически дословно повторял проект соглашения, предложенного немцами России почти год назад, в конце октября 1904 года, еще до сда-

чи Порт-Артура. В тот момент, когда бушевал скандал вокруг расстрела эскадрой Рождественского траулеров английских рыбаков у Доггер-банка, а истерика лондонской прессы с требованием объявить войну не только России, но и... Германии, зашкаливала за градус кипения.

Вялые оправдания русских, что им, дескать, привиделись миноносцы, атакующие их суда из гущи рыбацкой флотилии, решительно отметались: где Япония, а где Северное море? То же, что эти корабли могли быть выстроены для самураев у Торникрофта или Ярроу – огульный оговор! Британия строго соблюдает нейтралитет...

И именно тогда, в ответ на просьбу о политической поддержке, Вильгельм отправил Николаю первое предложение о заключении де-факто антибританского пакта. Попади в тот момент подробности сего документа в прессу, скорее всего, военное выступление Лондона было бы предрешиено взрывом общественных настроений.

Шокированный информацией об этом, с его точки зрения, крайне несвоевременном внешнеполитическом демарше и уже готовящийся ко всему, Тирпиц без лишней огласки приготовился отобилизовать флот в метрополии и потребовал возвращения в Киль всех крупных кораблей, находившихся в океане. Но Вильгельм неожиданно запретил это, как и перевод флотских командных и штабных инстанций на режим военного времени!

Это притом, что в Британии имелись влиятельные силы,

ратующие за немедленное «копенгагирование» германского флота. И среди них – принимающий дела первого лорда адмиралтейства, ярый джинго и германофоб адмирал Джон Фишер. История сохранила нам достаточно полный портрет этой, во многих отношениях выдающейся, личности. Была среди характерных его черт и способность создавать обстоятельства в случае, если они выглядели необходимыми для него и для его дела.

В свете этого стоит ли удивляться тому, что наутро среди подбитых русской эскадрой сельделовов оказался стоящий без хода и флага *трехтрубный* дестроер, который, починив повреждения, быстро ушел, не оказав помощи погибавшим рыбакам? У русских, японцев или у немцев таких кораблей не было. Зато они были у англичан. Равно как и провокация всегда была в их военно-политическом арсенале.

Тем не менее, несмотря на явно предгрозовую международную атмосферу, предложение союза в Санкт-Петербург было послано. И послано без согласования с морским министерством! Похоже, что при всей общей взвинченности кайзер был стопроцентно убежден, что Англия не атакует. Но откуда вдруг появилась такая уверенность у человека, который в критических ситуациях никогда не отличался ни фатализмом, ни психологической устойчивостью? Хороший вопрос...

Однако если предположить, что провоцировал такие настроения Вильгельма «первый мозг» германского МИДа той

поры барон фон Гольштейн, рука которого видна за строками обоих документов, и «октябрьского», и «бьеркского», алогизм поступков кайзера, равно как и цепь событий вокруг свидания двух императоров у Бьерке, начинает обрести неожиданную стройную логику.

* * *

Итак, барон Фридрих Август фон Гольштейн. «Нудный крот Фриц». «Серый кардинал» внешней политики Второго рейха. Человек «с глазами гиены», чья биография заслуживает, пожалуй, отдельного авантюрного романа. Предавший Бисмарка, последовательный сторонник мировой закулисы за спиной Вильгельма, сначала не раз и не два «расшивавший» для Берлина в 1890-х годах коллизии в отношениях с Британией и Францией, в их интересах «торпедировавший» стремления своего монарха возродить союз с Россией, а затем едва не втавивший Германию в смертельную для нее войну...

Скандалы сродни на шумевшей истории с телеграммой Крюгеру, порой возникавшие из-за амбиций и необдуманных внешнеполитических антраша Вильгельма II, Гольштейн разрешал, действуя по каналам тайной дипломатии. А конкретно – используя тесные связи ряда германских банкиров с Ротшильдами, которые фактически дирижировали британской и французской внешней политикой с момента

окончания франко-прусской войны и премьерства Дизраэли.

Однако, «если слишком долго вглядываешься в Бездну, Бездна начинает вглядываться в тебя»... Результат закономерен: клан Ротшильдов начал использовать его самого. К тому же «их серое преосвященство» любил поигрывать на бирже. Поначалу не всегда с успехом... Итог: в святая святых германского статс-секретариата иностранных дел к началу нового столетия окопался «суперкрот».

Именно он на рубеже 1904–1906 годов в нашей истории умудрился *дважды* едва не втянуть Германскую империю в войну с англо-французской Антантой, к которой, из-за союза с Францией, обязана была примкнуть и Россия. В итоге Германская и Российская империи всей мощью столкнулись бы на полях сражений, взаимно истощив и обессилив друг друга, что было главным профитом британского истеблишмента и банковского капитала – читай: мирового семитского в лице лондонского лорда Ротшильда с его парижской, франкфуртской, венской и нью-йоркской родней.

Судя по всему, «слуге двух господ» ненавязчиво намекнули, что «корабельные игрища» Вильгельма и его Закон о флоте окончательно переполнили чашу терпения Сити и Балморала: империя на Рейне и Шпрее будет жестоко и неотвратимо наказана за мечты о колониальном переделе. Тайному советнику фон Гольштейну пришлось узнать свою цену и выбирать, кому служить. И он выбрал...

Объективности ради нужно подчеркнуть: вовсе не то, что

именно русские с немцами будут взаимно уничтожать друг друга, было самоцелью стражей интересов мировой империи англосаксов, «владеющей морями», и семибанкирщины Ротшильда. Дело было в принципе недопущения возникновения гегемона на континенте. Наличие в противостоящих коалициях великих континентальных народов гарантировало бескомпромиссную, долгоиграющую конфронтацию, а это значит, что «Британья рулез», а прибыли международного банковского синдиката, обеспечивающего русско-германскую бойню кредитами, воистину баснословны! И эти кредиты гарантируют им овладение тем, что останется от богатств обоих противников. Если не по результатам мирной конференции, так «за долги».

Но политическим и финансовым лидерам англиканско-иудейского глобального картеля было мало просто срежиссировать общеевропейскую войну. Им хотелось ее *правильно* срежиссировать... Во всяком случае, ее начало. Чтобы не они, ее подлинные поджигатели и вдохновители, а континенталы были выставлены «коварным агрессором» или «кровожадным чудовищем».

Одним из винтиков механизма конструирования такой войны и стал барон Гольштейн, который *знал* от кукловодов, что англичане принципиально не желают начинать первыми. В чем, ловко манипулируя донесениями посольства в Лондоне, сумел убедить своего императора.

Это право британцы твердо решили предоставить нем-

цам. Пусть даже ценой второго взятия Парижа. Хотя что для них Париж, собственно говоря? Не наши же великие князья... Или делегировать это право русским с их босфоро-балканскими мечтаниями, которым также нужно дать окорот, желателью чужими руками.

Ничего личного, короче. Только бизнес...

Глава 1

Особа, приближенная...

Санкт-Петербург. Балтийское, Черное и Средиземное моря. Июль – август 1904 года

Барон Гольштейн, в соответствии с давним желанием кайзера Вильгельма добиться восстановления союза с Петербургом (и в соответствии с недавним тайным «заказом» мастеров «политического джиу-джитсу» из лондонского Сити), в октябре 1904 года сконструировал проект договора с русскими, который на первый взгляд давал Германии серьезное улучшение внешнеполитической позиции. Кайзер и Бюлов надеялись, что, сумев воспользоваться трудностями царя на востоке, они смогут отколоть Россию от Франции в свете явно несоюзнического поведения последней, что, по мнению канцлера, гарантировало бы немцам как минимум российский нейтралитет в случае «разборки» с Парижем.

Понимая, что талантливый в подхалимаже, но не слишком дальновидный в большой политике канцлер подвоха не уловил, а экселенц наживку «заглотил по самые гланды» и ломится в заданном направлении, словно бык под кувалду забойщика по бетонной траншее скотобойни, многоопытный мидовский «зубр», ясное дело, не стал страшать их иными

вариантами развития событий. К примеру, началом превентивной войны Англии и Франции против Германии. Причем и России могла быть предложена островитянами сладкая «конфетка» на этот случай. В виде сепаратного мира с Японией при дружеском англо-американском посредничестве, например. За присоединение к Антанте, естественно...

Однако в тот момент Петербург отказался обсуждать подобные предложения. Там еще теплилась надежда на победу на востоке, нужны были французские кредиты, и менять что-либо кардинально в своей внешнеполитической ориентации во время войны и заметной даже невооруженным взглядом внутренней нестабильности ни царь с великими князьями, ни граф Ламсдорф не желали.

Но за прошедшие с «отказной» телеграммы «кузена Ники» (от декабря 1904-го) полгода в мире много чего произошло. Например, Кровавое воскресенье, Мукден, Цусима. А еще Марокканский кризис, виртуозно срежиссированный все тем же Гольштейном, сыгравшим на уязвленной гордыне Бюлова и хронической франкофобии Вильгельма. Вот только итогом его оказался не ожидавшийся кайзером и Бюловым развал Антанты, который предрекал им Гольштейн и на который сделал ставку глава армейского генштаба фон Шлиффен, поддержавший сильный ход «хитроумного Фрица», а решительная, демонстративная поддержка галлов британцами. Спрашивается: как же мог опытный дипломат, знаток лондонского дипломатического *modus operandi*, столь

грубо «ошибаться»?

Ведь с берегов Темзы ситуация виделась так: первый противник на морях – Париж – отказался от соперничества, признав свою роль вассала по отношению к Британии. Вторым противником на морях – Санкт-Петербург – лишился своего флота, автоматически соперником перестав быть. Третий противник на морях – Берлин – в силу вышеозначенных обстоятельств и кайзеровского азартного флотостроительства переместился с третьего места в списке потенциальных угроз британской морской гегемонии на первое. Со всеми вытекающими... При этом САСШ уже с начала 1902 года, а точнее, с момента заключения договора Хэя – Паунсфота, уже не потенциальный противник, а тайный союзник.

Таковы итоги тайной дипломатии Великобритании с момента восшествия на трон короля Эдуарда VII и его решительного отказа от политики «блестящей изоляции». Всего за каких-то три-четыре года мир изменился. И продолжал стремительно меняться...

Однако в июле 1905 года рожденная в октябре 1904-го бумага вновь всплывает на свет! И Вильгельм, не поставив в известность главу внешней политики Германии Бюлова, который, судя по всему, начинал что-то подозревать, самолично отправляется с ней в кармане к Бьерке. На секретную встречу с царем. Естественно, с подачи Гольштейна. Ибо некому больше было сподвигнуть кайзера на этот шаг. Ведь при всем своем сумасбродстве подобных действий без мидовских кон-

сультаций он до этого не делал даже в менее важных вопросах. Тут же на кон большой игры был поставлен мегаприз: тайный военный союз с Российской империей против империи Британской.

В Санкт-Петербурге возможные последствия как подписания такого соглашения с кайзером, так и его неподписания были оценены трезво и прагматично. Было учтено, что, с одной стороны, в исторических реалиях лета 1905 года, когда наш флот погиб, армия деградировала, а в стране полыхает революция, скороспелая общеевропейская война, даже в союзе с немцами, скорее всего, окончилась бы катастрофой. Как для Германии, так и для России. Сиюминутную неготовность к такой схватке, как и реальную мощь Британской империи, в русской столице оценивали несколько более реалистично, чем представлялось «кузену Вилли».

С другой стороны, решительный отказ обидчивому и импульсивному Вильгельму от лица Николая, как в подписании договора, так и в самой этой встрече, мог привести к началу немедленной агрессии немцев против Парижа. С не менее мрачными последствиями для нас. «Дружеская» инициатива Вильгельма оставляла Петербургу деликатный выбор между «катастрофой» и «полным триндецом». Ведь за превентивную войну открыто и яростно ратовал генерал фон Шлиффен, уверенный, что в сложившихся после Мукдена обстоятельствах его армия сможет разгромить и французов, и русских, даже если последние рискнут помочь союзнику. При-

чем еще до того, как Англия, отказавшаяся от всеобщей воинской повинности, сможет эффективно вмешаться. За полгода максимум.

Но самоуверенный прусский вояка, пожалуй, сильно удивился бы, узнай он, что такой вариант – немедленная тевтонская атака – вполне устраивал кукловодов Гольштейна, просчитавших совсем иной ее окончательный результат...

* * *

Увы, России, оказавшейся тогда в роли объекта мировой политики, а не субъекта, было от этого не легче. Перед лицом столь невеселых перспектив ведомству Ламсдорфа хочешь не хочешь, но приходилось искать срединный путь. При анализе международных раскладов для русского МИДа в этой ситуации главным становился вопрос: что, где, а главное – *когда* предпримет Англия? Поскольку при всех англо-германских противоречиях гарантии ее вступления в войну на стороне России и Франции не было. Примат британской дипломатии – свобода рук и выбора. А галлы могли и не впрячься за Петербург, если бы немцы ударили не по ним, а начали с русских. Подумаешь, союзный договор? Ну, «не шмогла»...

Прецедент «танцев политического флюгера» со стороны Делькассе в истории с японцами имелся. Короче, перспектива была определено кислая.

Не исключая наперед возможность столь паршивого расклада, Николай II и российские дипломаты даже закрыли глаза на «пощечину» заключенного за их спиной франко-английского «сердечного согласия» в апреле 1904-го. Поскольку оно опосредованно давало повод Британии вступить в игру на стороне Франции, если та соблаговолит-таки поддерживать Россию против немцев. После гибели нашего флота для англичан это было выгодно со всех точек зрения. Но, конечно, наилучшим поводом для решения Лондона о вступлении в войну на стороне франко-русского альянса мог бы стать некий казус белли, спровоцированный немцами. И... огласка инициированного Берлином тайного договора об антибританском германо-русском союзе под него вполне подходила!

Но! Если Ники отказывает кузену Вилли, то... не будет и подписанного Вильгельмом документа. А на нет и суда нет. Исчезает повод для Лондона немедленно выступить против немцев. И исчезает у Вильгельма страх перед возможностью этого выступления. Поэтому, чтобы разыграть именно эту карту, Петербургу выгодно было, чтобы этот документ родился! И нужно было, чтобы с ним обязательно ознакомились на Даунинг-стрит, 10. Ротшильдов и британский Кабинет это тоже вполне устраивало: во-первых, Британия гордо выступала в «белых перчатках» оскорбленного величия, а во-вторых, Россия платила за это гарантированной «пристежкой» к Антанте. Платила за чужие, чуждые ей интересы

кровью своих солдат.

Кто и как сигнализировал в Санкт-Петербург из Лондона, что рождение бумаги за подписью Вильгельма, недвусмысленно подтверждающей его реальные агрессивные военные планы в отношении Великобритании – и не принципиально, об оборонительном или наступательном союзе речь, – весьма целесообразно и будет воспринято Альбионом благосклонно, мы, скорее всего, не узнаем. Но весь дальнейший ход событий говорит сам за себя. Сложно сомневаться в том, что такой сигнал был.

* * *

Роль «нехорошего мальчика» вынужденно взвалил на себя русский царь. Глупо думать, чтобы кто-то в Питере рискнул использовать Николая II втемную. И в итоге Бьеркской встречи документец родился. Вензель Вильгельма зафиксировал его внешнеполитические устремления. Чистосердечное признание – царица доказательств!

Затем последовала красиво срежиссированная «драма» с отказом «слабовольного» царя под давлением проффранцузского министерско-великокняжеского лобби от его подписи. И... союза нет, зато автограф «кузена Вилли» есть! Через неделю благодаря Ламсдорфу об этом уже знали в Париже. После чего до ознакомления с документом короля Эдуарда и Форин-офиса оставались не дни, а часы... Дуплет Гольш-

тейна – выставление кайзера и зачинщиком Марокканского кризиса, и «конструктором» антибританского европейского блока – был снайперским. «Гюльчатой открыла личико», и теперь Лондону можно было, не подыскивая оправданий, заниматься изоляцией агрессора. А когда Антанта будет сформирована и обе германские «центральные» державы плотно окружены, либо придавить наглцов санкциями, либо сокрушить их военной силой русского парового катка и жаждущих реванша галлов.

Очевидного факта, что в свете явления на свет «сердечного согласия» и октябрьский, и бьеркский тексты несут в себе элемент взрывной провокационности для Германии, кайзер тогда не сумел оценить в полной мере. Но еще печальнее для немцев было то, что не понял всей глубины этой игры и канцлер, занятый «разруливанием» последствий Марокканского кризиса, за которым опять же стоял Гольштейн. До Бюлова наконец дошло, что вскоре должно произойти, лишь по факту отказа русских от Бьеркского союза, и он немедленно потребовал отставки, которую, разобравшись наконец, в какую опасную западную угодил, кайзер решительно отклонил.

После Танжера Бьерк второй раз за год поставил Берлин на грань европейской войны. Но... пушки так и не заговорили. Вильгельм с подачи канцлера, Эйленбурга, Тирпица и Миттерниха раскусил, куда ведет рейх игра «серого кардинала». А Бюлов смог спасти ситуацию для своего императора, затормозив на самом краю пропасти ценой размена

Шлиффена на Делькассе и фатального внешнеполитического поражения Германии. Взбешенный Гольштейн, успев напоследок лишь поспособствовать падению Эйленбурга, которого, кстати, вполне справедливо, посчитал предателем и стукачом, был с позором изгнан с госслужбы. Война не состоялась. И ее неутомимым заказчикам пришлось начинать новую партию. На этот раз балкано-турецкую...

Уместно добавить, что сами по себе и октябрьские, и бьеркские соглашения, в силу возможности их расторжения «после предварительного предупреждения за год», были для России бессмысленны на перспективу, поскольку в наших интересах было долгосрочное соглашение с германцами. Гольштейн просчитал, что реального союза все равно не будет. Ибо коллеги «по цеху» в России, типа Витте и Ламсдорфа, смогут при любой реакции царя не допустить фактического заключения русско-германского антибританского союза.

На деле все произошло для Форин-офиса и Сити даже лучше, чем Гольштейн и его подельники из «ротшильдовского интернационала» могли себе представить.

Отказ Николая II от уже подписанного им собственноручно соглашения, живо обсуждавшийся при дворах венценосцев и в мировой прессе, не только оскорбил и унизил вспыльчивого и обидчивого кайзера, он, выражаясь по-восточному, «лишил его лица», что окончательно отвернуло его от надежды на союз со «слезливым и безвольным царь-

КОМ».

Теперь он, в пику кузену-клятвопреступнику, решил двинуть Германию в Азию, водрузив свой флаг на Босфоре. Для русско-германских отношений это означало тотальную катастрофу, поскольку проливы и Константинополь исторически являлись главной целью вожделений Санкт-Петербурга. И хотя теперь на Ближний Восток толкал кайзера не тайный советник Гольштейн, а другие персоны, такие, как Сименс, Дельбрюк или Баллин, на первый взгляд преследовавшие совсем иные интересы, кукловоды-то за их спинами маячили те же самые...

* * *

Итак, «Бьеркский союз» не состоялся. Но осадочек остался. У многих. В России отныне бесповоротно верх во внешней политике взяла ориентированная на Антанту «партия войны», включавшая в себя большинство великих князей, верхушку гвардейского офицерского корпуса и ряд государственных функционеров, таких, как Извольский, Сазонов, Григорович и даже постепенно смирившийся с представлявшимся неизбежным русско-германским столкновением Столыпин.

Царь, осознавший весь позор содеянного, с того времени обреченно и безвольно плыл по несущему его самого, династию и всю Россию к катастрофе геополитическому течению,

направляемому из Лондона, Парижа и Вашингтона. Отношение же германской правящей элиты к России с тех пор и аж до самого Сталинграда стало брезгливо-пренебрежительным. Вылившись в прессу, этот настрой ее политическо-го и экономического бомонда неизбежно повлиял на формирование антироссийского общественного мнения во всем немецком обществе, достигшего фанатичного апогея к 1914 году.

Но, откровенно говоря, трудно осуждать за такое отношение немцев, убедившихся, что российская правящая верхушка вознамерилась идти с Францией и Англией до конца. Отвратительные франко-русские тиски, сжавшие Германию с двух сторон, были вполне реальной угрозой существованию молодой, динамично развивающейся империи, сумевшей за несколько десятилетий неизмеримо высоко поднять уровень жизни подавляющего большинства своих граждан, а с 1889 года впервые в мире узаконившей всеобщее и универсальное пенсионное обеспечение по старости... За свое кровное немцы были готовы драться с кем угодно, и их вполне можно понять.

Сам же кайзер Вильгельм по-человечески так никогда и не простил кузену Ники этой «пощечины». Расчет кукловодов оказался безупречным – болезненный страх за личное реноме вынудил его занять твердокаменную антироссийскую и антиславянскую позицию. Со всеми вытекающими. За проливом и океаном могли торжествовать...

Но позвольте, разве сама идея российско-германского союза 1905 года была абсурдом? Конечно же нет! Другое дело, что предложенная кайзером его форма совершенно не соответствовала потребной сути взаимовыгодного, равноправного альянса. И здесь что у Вильгельма, что у Бюлова не хватило дальновидности, дабы вовремя раскусить игру Гольштейна, осознав, что за военно-политический пакт с Россией – великой державой – *нужно* платить достойную цену.

Увы, изречение Отто фон Бисмарка о том, что из двух союзников один – наездник, а второй – лишь его скаковая лошадь, слишком прочно въелось в их ментальность.

Только вот то, что публичные политические заявления и реальная политика – это не совсем одно и то же, в контексте данной ситуации они не учли. К сожалению, гениями внешнеполитической игры калибра «величайшего из немцев» ни Бюлов, ни, тем более, кайзер не были...

* * *

Все стоны многочисленных противников Бьеркских соглашений в России начинались тогда, как начинаются и сейчас, с якобы predeterminedного их параграфами «аморального предательства союзного нам Парижа». Хотя формально договор ни в коем случае не втягивал Россию в войну с Францией, если та не атаковала Германию, причем неспровоцированно. Правда, сама «белая и пушистая» Франция

лишь годом ранее цинично предала интересы России, подписав с Британской империей договор «сердечного согласия» в тот момент, когда для России та была явным противником, а Германия – без пяти минут союзником. И практически наверняка превратилась бы в союзника реального, разбей мы японцев и сохрани свой флот.

Дьявол, как известно, кроется в мелочах. Есть один принципиально важный нюанс, который всегда нужно держать в уме, рассуждая о роли в истории России и Германии франко-английского договора. Нужно обязательно помнить, когда именно он был заключен. А это произошло в апреле 1904 года. Через два месяца и одну неделю после начала Русско-японской войны.

В результате Франция отказалась оказывать России военную помощь в схватке с Японией, союзной Великобританией. Со стороны Лондона это было логичным, своевременным, выверенным внешнеполитическим шагом. Ударом на опережение, не позволяющим немцам открыто поддержать нас в войне с японцами и гарантирующим от гипотетического русско-германско-французского союза на тот случай, если британцы решат воевать за японцев, а в случае победы Токио над Петербургом почти неизбежно пристегивающим к «сердечному согласию» и Россию. Против ее воли и желания. Антанта была «свадьбой с приданым» в виде франко-русского договора, поскольку Париж, имея с Россией военный союз с 1893 года, спал и видел, как выставить нас против немцев в

роли пушечного мяса. Что и произошло в 1914 году.

При этом весь сонм представленных в виде повода для войны балканских проблем, включая спор вокруг проливов, был лишь мишурой для прикрытия коренных конфликтов – проблемы отторгнутых Бисмарком Эльзаса и Лотарингии для французов и проблемы германского флота и торговой экспансии для англичан. Вот уж кому действительно стоит задать вопрос о морали. Только есть ли в этом смысл? Мораль – это общественная категория, а не политическая. С точки зрения *своих* государственных интересов и Лондон, и Париж действовали совершенно логично. И, если учитывать результат Первой мировой войны, правильно...

В Париже тогда здраво рассудили, что повязанная их займами Россия никуда не дернется, а уж если проиграет войну на Дальнем Востоке, то и подавно. И под предлогом несогласия с внутренней политикой царизма там отказали русским в кредите зимой 1905 года. А на случай, если царь вздумает взбрыкнуть, соломка была заранее заботливо подстелена – у большинства российских великих князей, видных сановников и министров в дружбе с галлами существовали прочные персональные заинтересованности.

* * *

С другой стороны, Бьеркский договор обязывал немцев выступить на нашей стороне, если Англия начинала войну

против России. А такая угроза, причем вполне реальная, существовала, как ни крути. Ведь британская политика и дипломатия не были монолитом. Деятели типа лорда Керзона наличествовали в Лондоне не в единственном числе. А противопоставить в тот момент английскому флоту на Балтике нашим адмиралам было попросту нечего. И... русскую столицу пришлось бы защищать с моря германскому флоту!

Когда скептики посмеиваются над потенциалом тогдашнего флота Германии в свете возможной борьбы с английским, мало кто задумывается, на каком театре эта схватка могла бы происходить. А если в мелководном и туманном Финском заливе? Если в Скагерраке? Если в датских шхерах или в районе немецких оборонительных минных полей? При этом германцы имели весьма много разных минно-торпедных судов.

По настоянию адмирала Тирпица, они неустанно и тщательно отрабатывали массированные атаки, особенно ночные. Именно поэтому германские миноносцы прозвали *Shcwarze Gesellen* (черная прислуга): они красились в черный цвет. И «пахали» море они куда интенсивнее, чем линейные эскадры, являясь весьма грозной силой германского флота для битвы в «узких» морях.

Кстати опять о флоте... Если использовать «телескоп Козьмы Пруткова», то есть «зреть в корень», вскрывается крайне любопытный момент, который, скорее всего, осознали у Бьерке и русский царь, и германский кайзер. И, ско-

рее всего, ни словом на эту тему тогда не обмолвились. Ибо оба боялись спугнуть клиента.

Дело в том, что все сказанное относительно возможной британской атаки на Россию было бы верным, если относить ситуацию к первому документу – от октября 1904 года. Но... практически уже не имело ни малейшего смысла для июля 1905-го! Смысл этот окончательно и бесповоротно исчез в мае 1905 года. В тот момент, когда контр-адмирал Российского Императорского флота Николай Иванович Небогатов обнажил голову, перекрестился и скомандовал: «Приказываю: наш флаг спустить! Поднять японский...»

С аннигиляцией русского флота и, как следствие, потерей Санкт-Петербургом статуса крупного геополитического игрока англичане, взирая на Россию с прагматической точки зрения, пришли к выводу: теперь, когда русские выпороты, а их мировые амбиции в прошлом, самое время поиметь их в качестве союзника против немцев в Европе.

Вот откуда все британские (и североамериканские) инициативы под занавес русско-японской войны, позволяющие ряду историков утверждать, что Англия и США были *изначально* против окончательного краха России. Вот только не надо «жонглировать» фактами и датами: таковой позиция англосаксонских держав стала *после* Цусимы! Раз у русских нет больше флота, это уже *не РОССИЯ!* Не та Россия, которой им следует опасаться. Не та Россия, которая способна решить проблему буферных государств и обрести свобод-

ный выход к теплым «британским» и «американским» морям. Значит, теперь с ней можно и *нужно* «дружить» против следующего в списке геополитических противников.

* * *

После Цусимы наш мир изменился. Для британцев Россия одномоментно превратилась из опаснейшего геополитического конкурента в потенциальную добычу. Из субъекта международных отношений в объект, в кандидата на «почетную цепь и ошейник» их травного пса. И на плоску с объедками у будки. Что, в их понимании, – щедро и единственно верно.

Англосаксы и по сей день искренне удивляются нашей «глупости»: почему мы не желаем тихо сидеть на своей одной седьмой части суши, честно отдав им *всё* остальное на этом «шарике»?! Почему им приходится регулярно тратить свои силы и деньги, чтобы нас «сдерживать»? Чтобы под тем или иным предлогом раз за разом уничтожать русский флот, как только его очередная реинкарнация становится небезопасной для их мирового доминирования.

Может быть, все дело в загадочной русской душе? Кто знает...

Зато у Германской империи флот в июле 1905 года был. И продолжал расти как на дрожжах. В полном, пунктуальном соответствии с графиками закладок, согласно Закону о фло-

те. И внимательнее всего к этому процессу присматривались господа из-за Ла-Манша. И отсюда вытекает, что союз с Россией был тогда Германии нужен гораздо *больше*, чем России с Германией. Ибо «призрак Копенгагена витал в те дни над нашими мачтами на рейдах Вильгельмсхафена и Киля», как выразился один из немецких адмиралов.

Вильгельм это знал. Он не был альтруистом. И, конечно, лукавил, заявляя кузену Ники, что его главная цель – единственно поддержать родственника и друга в трудный момент. Он-то понимал, что Цусима может стать поворотной точкой в намерениях Альбиона относительно и России, и Германии. Для Берлина такое развитие событий автоматом приобретало характер критической проблемы. И Санкт-Петербург как союзник нужен был немцам позарез, поскольку от словесной антигерманской газетной риторики 1902–1903 годов британцы уже переходили к конкретным действиям.

Но вопрос в том, чем Германия готова поступиться для достижения этого союза, если Россия устами своего самодержца внятно обозначит ее интересы в мировой игре. А другой вопрос: почему Николай II этого у Бьерке не сделал? Забавно, да? Может быть, царь наш и вправду был недалекий простофиля и дурачок?

Вильгельм, к несчастью своему и своего народа, так и посчитал. Прекрасно понимая неравноценность предложенного им соглашения для Петербурга, он, как ребенок, искренне радовался, что надурил «оглушенного и расстроенного»

Мукденом и Цусимой кузена, не поступившись абсолютно ничем, кроме цветистых фраз о вечной личной преданности и дружбе, ради жизненно необходимого для себя и своей страны союза. Союза, который оставлял Франции единственный шанс на дальнейшее относительно беспроблемное существование – отказ от идей реванша и присоединение к этому союзу. Чего, кстати, а вовсе не превентивного марша «ребят в фельдграу» на Париж, искренне желали многие дальновидные фигуры в Берлине. И тогда Британия оказалась бы перед мощной, сокрушительной коалицией европейских держав.

Но... «Комбинация» не состоялась. «Британья рулез!»

* * *

Внешне это было представлено так, что Витте и Ламсдорф сделали все, чтобы открыть царю глаза именно на личностный момент в игре Вильгельма. Что, дескать, венценосный германец провел российского кузена как последнего простака. Сыграв в «обиженного», самодержец не воспротивился требованию его профранцузских и проанглийских министров аннулировать соглашение в целом, вместо того чтобы попытаться добиться от кайзера дополнительной проработки документа в части Балкан, проливов, сроков действия и порядка расторжения, пересмотра не выгодного для Петербурга торгового договора с Берлином и гарантий финансово-кредитной поддержки в случае потери французского кре-

дитования.

Хоть бы заикнулся об этом, заткнув свою гордость куда подальше!.. Только зачем? Дело-то уже сделано: размашистый вензель Вильгельма II под Бьеркским соглашением, ставший приговором и ему самому как германскому императору, и Германии как империи, в фотокопии уже лежал в соответствующей папке на Даунинг-стрит, 10...

Конечно, это решение далось Николаю II не просто. И, скорее всего, здесь не обошлось без участия двух самых главных для него женщин – матери и жены. Обе царицы были ярыми пруссофобками. Поэтому, естественно, оказались в данном вопросе на стороне Витте и Ламсдорфа. Этот нюансик в дворцовых раскладах Вадику предстояло учитывать особо...

Автограф Вильгельма, легший на бумагу в каюте «Полярной звезды», стал подлинной катастрофой германской внешней политики Второго рейха постбисмарковского периода. Даже дилетантские ляпы Бетмана— Гольвега меркнут перед этим результатом хитроумной антигерманской политической игры. С момента его появления методично загоняемый в угол кайзер рискнул в итоге поставить на карту все, как азартный картежник. И закономерно проиграл, получив войну даже не на два, а на три фронта: британскую морскую блокаду можно и нужно расценивать как третий фронт. После он будет с обидой стыдливо кивать на бездарность политики Бетмана или Ягова, на чрезмерную самоуверенность

германских генштабистов, на ошибки своих командующих. На подлое вступление в войну американцев... Но войну-то объявлял *он*. За все отвечает король...

В реальной истории «мира Петровича», нашего с вами мира, все случилось так, как случилось... Наше государственное руководство оказалось неспособным справиться со вставшими перед ним проблемами. Впрочем, как и германское. Общий итог был одинаково плачевен для обеих великих империй. Они погибли, прихватив с собой, до кучи, Австро-Венгерскую с Османской. Отточенные столетиями тайной войны отравленные стрелы британской разведки и секретной дипломатии поразили цели без промаха. Нашли своих получателей и тридцать сребреников от Сити. А когда пушки смолкли, можно было с умным видом порассуждать об исторической предопределенности краха «отживших свое монархических форм правления» и так далее, и тому подобное.

Но здесь и сейчас, потрясенный откровениями Вадика о будущем, Николай твердо вознамерился сыграть другую партию. Момент для этого еще был не упущен: Вильгельм II Гогенцоллерн образца 1904-го и 1914 года – это все-таки далеко не одно и то же...

* * *

Примерно с месяц назад, во время очередных вечерних

посиделок «на троих», Николай выпытал из Вадика практически все, что тот знал о Бьеркских соглашениях. О том, почему они не вступили в силу, кто и для чего не допустил сближения двух империй, а наоборот – толкнул их в пропасть самоубийственной бойни. После всего услышанного в кабинете минут на пять воцарилась звенящая тишина... Монарх думал...

Это, с одной стороны, радовало Вадика, а с другой – пугало. До него начинало доходить, что царь за несколько месяцев получил от него уже достаточно информации, чтобы сделать правильные выводы о том, что действительно жизненно необходимо, а что пагубно для Российской империи. Под тяжким грузом послезнания Николай, пусть внешне пока не очень заметно, если не считать новых морщин, увеличившейся седины и прорезающегося, порой несколько отрешенного, жесткого выражения глаз, ощутимо менялся внутренне.

Сказалось и рождение долгожданного наследника. С одной стороны, беспокойств у царя добавилось. С другой – зная, что сын природой не приговорен и даже с этой болезнью сможет нормально учиться и развиваться, Николай держал себя в семье подчеркнуто спокойно, что благотворно влияло на императрицу. Кстати, благодаря появлению на свет Алексея, с подачи Вадика, государь пересилил-таки себя и стал значительно меньше курить, ограничив в этом также свою супругу, домашних и ближний круг.

Как-то само собой, но все меньше оставалось у него сомнений и неуверенности в принимаемых решениях; резолюции на докладах, вроде часто встречавшегося раньше «читал», теперь обычно заканчивались парой-тройкой коротких вопросов по существу, вроде: «Прошу Вас прояснить, сколько потребуется стали, получены ли деньги для начала работ, если нет, в чем причина задержки?» Или: «С переносом сроков на два месяца согласиться не могу. Доклад через два дня». Случаев же, когда уже принятые им решения отменялись или просто обсуждались по новой, за последние два месяца можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Все реже Вадик слышал от Николая ссылки на чужие мнения, все жестче и быстрее проводились в жизнь принятые им решения. Одна отставка Куропаткина чего стоила, когда истерика Витте была остановлена короткой, хлесткой фразой: «Все! Я так решил, Сергей Юльевич». А заявившаяся затем великокняжеская группа «огневой поддержки» разъехалась из дворца со столь незабываемыми выражениями лиц, что дежуривший в тот день Банщиков пожалел об отсутствии во дворце скрытых камер.

Складывалось впечатление, что хозяин земли русской теперь готов, принимая сугубо самостоятельные, продуманные решения, отстаивать их перед кем угодно. А не уяснившие этого скоро прочувствуют на себе, что перечить царской воле не есть гуд. Но осознание перемен в поведении Николая заставило Вадика внутренне поежиться: что делают сильные

мира сего с теми, кто слишком много знает? И притом уже особо-то им и не нужен?

«И вот сейчас снова... Вот как надумает, для начала, в крепость за расшатывание устоев...»

Вадика конкретно передернуло от тяжелого взгляда государя, сопровождавшегося коротким, зловещим «как достали...».

– Э-эй, Михаил Лаврентьевич, вы-то с чего разволновались? Ваше же словцо, любимое, – неожиданно произнес Николай, сверкнув смешинкой в глазах и с открытой, подкупающей улыбкой подмигнув подрастерявшемуся от такой неожиданной пронизательности самодержца Вадика, негромко рассмеялся. – Разрешите хоть разок позаимствовать?

И, разряжая некую неловкость момента, уже вполне серьезно, не спеша, с расстановкой продолжил:

– В последние месяцы я убедился, что верные и знающие люди, Михаил, наша величайшая ценность. Особенно учитывая масштаб и тяжесть забот, под которые они подставили свое плечо. Не льстецы, не лизоблюды и двурушники. Бог видит, как мне вас не хватало! Впереди – невообразимый ворох дел. И без, как вы однажды верно сказали, команды... не свиты, именно команды соратников и единомышленников, мне одному Россию не подстегнуть. Тем более без человека, который помогает моей семье и стране ставить на ноги сына, нашу надежду, будущего великого государя... Да еще и че-

ловека, небезразличного кое-кому... – Николай жестом прервал восторженную было, густо покрасневшую Ольгу. – На людях только поаккуратнее, пожалуйста, а то все уши мне доброхоты прожужжали.

– Кто?! Ксения? – взвилась Ольга, сверкнув на брата глазами.

– Оленька, перестань, пожалуйста. Я сказал вам, чтобы были поаккуратнее, вот и будьте... Не обижайся... Да, а помнишь, как вчера ты мне сказала, когда мы из храма возвращались, что во мне будто стержень появился, – Николай задумчиво усмехнулся. – Не знаю, что это за стержень такой, но три новых момента за собой я действительно замечаю.

Во-первых, стал раздражаться, когда пытаются «включать дурака»... Да, Миш, понабрался я от тебя разных словечек... Во-вторых, начал ясно чувствовать, когда врут. Наверное, потому, что много совещаний проводить стали, много общаться с новыми людьми. И это вот: когда врут – просто бесит. А еще мне очень хочется выиграть эту войну. Поскорее. И так, чтобы у нас потерь поменьше, а у них – сраму побольше. Вот тут, мои дорогие, я сам себя начинаю побаиваться. Потому что понял, проснулся азарт. Как при хорошем теннисе или при гребле наперегонки.

– Ну, так это же здорово, Ники! Наконец-то тебе понравилось *быть царем!* И десяти лет не минуло...

– Оленька, ехидничать не надо, да? Азарт, между прочим, страшная штука. Когда ночью просыпаешься и думаешь, а

все ли так решил, а как завтра с этим вопросом быть, с тем... Вот сегодня, например, под утро стрельнуло: прав был все-таки Шухов. И крыло подводное можно позже довести в крепость. И на катера, что уже там, в мастерских порта, поставить. Даст Бог, все получится... А моряки – этим бы вечно свой глютеус прикрывать! Тьфу ты... Нет, Миша, сколько же я от тебя жаргона этого уже подцепил? – Николай задорно рассмеялся.

– Но лаконично же и емко, ваше величество...

– Ой, да ну тебя, скажешь тоже... Но что значит моя бессонница? Так, ерунда... Одно то, Михаил, что вы *оттуда* здесь появились, лишний раз доказывает, что это есть промысел Божий, что Россия наша – страна богоизбранная. И значит, раз так нам суждено, нужно выкладываться полностью. Чтоб нагнать все, где и в чем отстали.

Поэтому прости великодушно, но тебе пока покоя тоже не будет. И друзьям твоим, когда сюда приедут. И тебе, сестричка. Не делай большие глаза, дел на всех хватит. Третьего дня с Дмитрием Ивановичем по твою душу общались. Завтра он приедет, и обсудим...

Кстати, Михаил Лаврентьевич, с этого дня вы – действительный статский советник и мой личный секретарь по военно-морским вопросам, раз уж дело идет о большой политике... – Царь поднятием ладони остановил открывшего было рот для изъявления благодарностей Банщикова. – Пусть под шпиком озадачатся: зачем нужна такая должность? И

для чего? Да и дядюшки тоже... Мне вы требуется не на раз-два в неделю, как флигель-адъютант, а постоянно. Заодно и неудобные вопросы кое-кто перестанет задавать. Надеюсь, вы не возражаете против карьерного роста... Кстати, опять ваша фраза из будущего, по гражданской линии? Вот и хорошо. Несмотря на цивильность платья, вам придется с завтрашнего же дня взять на себя часть обязанностей графа Гейдена. Александр Федорович замучил меня просьбами отпустить на войну. Я не смог ему в этом отказать. А поскольку на третьей эскадре по командным должностям у нас полный комплект, я решил поручить ему обязанности флаг-офицера у Серебренникова. Зная энергию графа, полагаю, что он так вцепится в Кузьмича и Бирилева, что срок ухода «Бородина» и «Славы» мы, глядишь, хоть дней на десять-пятнадцать, но приблизим...

* * *

– Да-с... Политика, политика... Но некоторым... – в голосе императора вновь появился металл, – пора показать, что мальчик вырос. И собирается оставить сыну и всем русским людям великую и процветающую державу, имеющую *свои* интересы и способную их отстаивать перед кем угодно. Проклятые французские кредиты! А ведь было время, их за благо почитал. Как там, про дармовой-то сыр... Нет, Михаил, с этим нам нужно что-то делать. Это форменная удавка.

Будем считать, что отставка «финансового гения» решена. И начнем исподволь готовить денежную реформу. Хоть не завтрашнего дня вопрос, но важнейший.

Столыпина вызову тотчас же. Повод есть: пускай расскажет, как замирял крестьян у себя в губернии. И вообще, сейчас сельский вопрос приобретает особую важность. Особенно в свете вашей информации, Михаил, о трех предстоящих нам неурожайных годах, начиная с 1906-го. Вот только голода нам сейчас, как в 1892-м, и не хватает! Тут уже можно не просто на экспорте потерять, крестьянин ведь вполне способен не «в кусочки» с сумой пойти, а за вилы взяться. Благодаря либералам и прочим агитаторам. И правы вы насчет элеваторов: хоть какой-то резерв создать за оставшийся год надо...

Теперь – Германия... Между нами, откровенно говоря, кузен мой психопат и вообще увлекающийся тип. Фат, позер и нахал. И мужлан вдобавок. Так что, Михаил, когда я вас познакомлю, не удивляйся, если он вдруг огреет тебя по спине и станет бесцеремонно ржать в ухо. Или посередине важного разговора начнет внезапно рассуждать, скажем, о красотах норвежских фьордов – родины нордической расы или о достоинствах петухов дармштадтской породы. Но судя по тому, что в вашем мире он пережил катастрофу рейха, войну, изгнание, суицид обожаемого флота и при этом не сошел с ума, что мне в его отношении регулярно предсказывают медицинские светила, дело с ним иметь можно. И

нужно. Хотя многие здесь, во дворце, его терпеть не могут. А особенно в Аничковом...

Да, Оленька, и не смотри на меня так, пожалуйста. Наш батюшка не раз называл Вилли фигляр-кривлякой и вздорным юнцом. Знаю. Но время идет. Все течет, все изменяется. Очевидно, что под правлением Вильгельма Германия не просто прибавила. Она становится могущественной мировой державой, споро опережающей по скорости развития и Британию, и Францию, несмотря на все их колонии. Ну, и нас, грешных, само собой, как ни печально. Пока...

Конечно, и матушка, и Аликс будут не просто против нашего сближения с германцами. Милый Шлезвиг и обожаемый Дармштадт, униженные и оскверненные прусским сапогом, стучат в их патриотические сердечки. Особенно пылкие по отношению к Дании и к Гессену. Поэтому они, само собой разумеется, постараются сделать все, что в их силах, дабы такому сближению помешать. Узнав подноготную наших планов, они сделают мою жизнь невыносимой пыткой. Я этого не хочу. Ничего о наших задумках в отношении Берлина императрицы слышать не должны. Но ясное дело, что-то расскажут им доброхоты-наушники. С этим уж ничего не поделаешь. Но не пойманный не вор, а царица доказательств – чистосердечное признание. Так, Михаил Лаврентьевич? Без прямых улик я отобьюсь. Со временем, попозже, придется, конечно, что-то им раскрыть. Когда процесс уже нельзя будет остановить...

Кстати, анализ личности Вильгельма от немецкого историка Эмиля Людвига, о котором Михаил нам рассказывал, будет серьезным подспорьем. Как и занятные моменты из мемуаров Бюлова и Тирпица. Если все дело в том, что наш кузен действительно трусоват, то это вполне объясняет некоторые его странности. И несколько облегчает нашу работу с ним.

По большому счету, океанские, колониальные устремления Вильгельма и его любимого адмирала, которым способствует канцлер, для нас просто манна небесная. Подумай, дорогая сестренка, во что для нас может вылиться стремление столь быстро крепнущего рейха искать решение своих болезней роста на суше? К чему немцев так и подталкивают англичане. Собственно, Михаил нам это в общих чертах уже рассказал. Боже упаси от такого. Поэтому честный, равноправный и долгосрочный союз с германцами нам важен. Врагов этому – две трети двора и почти все министерские. Что будет?.. Подумать страшно! Но здесь, действительно, кроме меня никто...

Надобно начинать. Ламсдорфа – тоже в отставку. Вернее, пускай едет лечиться. Если у него действительно язва желудка, то сначала – на воды, потом – в Италию. Только пусть по черноморцам доведет дело до конца. Со временем, возможно, и вернем к активной службе. Но сейчас, при смене курса, он будет только помехой.

Ну-ка, Михаил, подайте мне бумагу. И себе возьмите.

Оленька, ты тоже. Ага... Давайте письмо кузену сочинять. И перечень наших хотений от немцев. Разумных. Нам давно пора определиться, что для России принципиально важно на юге – проливы и Царьград или *все* Балканы. Полагаю, ради проливов чем-то или кем-то нам можно и поступиться? Как вы думаете? Болгария?.. Нет. Это черноморское побережье. Где еще и румынский вопрос нам решить предстоит. И про Грецию не забываем... Сербия, Босния и Герцеговина? Албания?.. Черногорки наши нас не проклянут, а?

Кстати, и вопрос еврейского государства в Палестине нужно с ним привести к общему знаменателю. Самое верное, если мы с немцами по этому поводу примем общее решение. И уж если решать вопросы по равноправию евреев в Российской империи, пусть кагалы местечковые за это заплатят! Да, мне такое равноправие, как вы знаете, глубоко противно, но с учетом всего того, что вы, Михаил Лаврентьевич, понарасказывали, сие представляется неизбежным. Оформить можно в виде внутреннего займа. Кстати, Витте и Коковцову ходоки «от них» такое уже предлагали неоднократно. Пожалуй, представлю-ка я дело так, что именно Сергей Юльевич меня убедил. Как и по поводу возможных послаблений водочной монополии... Как вы сказали: «Чем мы дурнее англичан, в конце-то концов»?

Николай усмехнулся, после чего серьезно и неторопливо, как бы взвешивая каждое свое слово, продолжил:

– Конечно, к торговому договору на встрече с Вильгель-

мом нам надобно вернуться. Может быть, сразу начать готовить проект? Давайте подумаем и по поводу этой багдадской дороги. Надо искать компромисс. Кузен прямо-таки горит своей султанско-мусульманской идейкой. Хоть бы разобрался: чем дышат шииты, а чем – сунниты? И какая там у них пороховая бочка. Повоевал бы с ними столько, как нам пришлось, так по-другому бы смотрел на это. Но, в конце концов, если он добивается нашей поддержки в англо-французских делах, должен принять как данность однозначное решение турецкого и персидского вопросов в нашу пользу. Его устремления к Суэцу понятны, и мы готовы содействовать, но, как говорят американцы, совместный бизнес должен приносить дивиденды обеим сторонам.

* * *

Встретив в море в двадцати пяти милях от северной оконечности острова Саарема подошедшие из Ливавы корабли Иессена, царь с небольшой свитой перешел с яхты на борт флагманского броненосца «Император Александр III», где его ожидал ужин в кругу офицеров гвардейского экипажа. Поскольку броненосец – не яхта, и на всех приглашенных кают на «Александр» не хватило, часть гостей разместили на «Суворове». После чего отряд русских кораблей в составе трех броненосцев, расставшись с «Полярной звездой», которой предстояла дальняя дорога в Пирей, взял курс на швед-

ский остров Готланд.

Разобрав бумаги и морально подготовившись к первому в жизни участию в переговорах на высшем уровне, Банщиков поднялся на правое крыло носового мостика «Князя Суворова», откуда морской закат был виден во всем великолепии. Но спокойно постоять, подставив лицо прохладному балтийскому ветерку, ему не дали. Внезапно Вадим почувствовал, что кто-то осторожно коснулся его плеча, и, оглянувшись, увидел рядом с собой вице-адмирала Дубасова. Начальник МТК, дружный по жизни с адмиралом Макаровым и давний приятель германского адмирала Тирпица, совершенно не понимал, зачем он здесь понадобился царю и куда сейчас направляется наш броненосный отряд под императорским штандартом.

– Михаил Лаврентьевич, здравствуйте... Мне, конечно, не совсем удобно...

– Добрый вечер, ваше превосходительство.

– Давайте уж сейчас без чинов, мой дорогой, хорошо?

– Это как прикажете, Федор Васильевич. Спасибо! – Вадик безмятежно улыбнулся, всем своим видом показывая, что игра «в дружбу» с изрядно попортившим ему крови занудным и ершистым старым формалистом принята. – Вы тоже пришли полюбоваться закатом?.. Или узнать на ушко, что замышляет относительно нас, вас... да и вообще, государь? – Банщиков хитровато, искоса взглянул на адмирала, несколько опешившего от такой его проницательности... или нагло-

сти.

– Понимаю, неловко, конечно. Раскусили вы меня... Но есть такой интерес, уж извините.

– Это вы меня, то есть нас, простите, ради бога, что вас, начальника МТК, столь долго в неведении держим. Сейчас, как я понимаю, до рандеву с императором Вильгельмом осталось менее полусуток хода, так что я не сильно нарушу указание государя, если вам расскажу кое-что о цели нашего плавания и вашей в том деле роли.

– Спасибо, обяжете... Я-то думал, что смотр эскадре делать идем перед походом, а тут... к Готланду. Значит, император собрался с кайзером встречаться... Понятно. Опять показуха... Только машины рвать перед походом! Еще и со стрельбой, поди?

– Федор Васильевич, в этот раз все не так банально. Да, Вильгельм и его моряки хотят посмотреть наших «бородинцев» поближе, ясное дело. Но истинная цель нашего вояжа иная. И чтобы вас не томить, докладываю коротко. На встречу с кайзером кроме государя императора направляются наши министр иностранных дел, морской министр и, в качестве секретаря, ваш покорный слуга. От немцев будут лишь Тирпиц и Рихтгофен. Никакой особой показухи. После – идем в Либаву, смотр и проводы третьей эскадры.

– Простите, но где же тогда Авелан?.. А граф Ламсдорф, разве он уже вернулся из Турции?

– Они, в соответствии с опубликованным сегодня ука-

зом императора Николая Александровича, отправлены в отставку. Как и премьер-министр. Вместо него теперь бывший саратовский губернатор Петр Аркадьевич Столыпин. На должность министра иностранных дел заступит наш посол в Берлине граф Остен-Сакен, он идет сюда с кайзером на «Мекленбурге». А управляющий делами Морского министерства... отныне это вы, Федор Васильевич.

– Так-с...

– Как вы понимаете, в связи с этим указом, государь ожидал повышенной активности со стороны Аничкова дворца. Да и не только. В том числе и поэтому палуба идущего в море броненосца для императора сейчас – самое подходящее место. Вы так не находите? – Банщикова чуть заметно улыбнулся.

– Да уж... Понимаю...

– А миссия нам с вами предстоит важнейшая. Если не сказать – историческая. И то, что вы сейчас от меня услышите, это исключительно для ваших ушей...

– Естественно.

– Император планирует заключение русско-германского военного союза, направленного против англичан. Нет, не сейчас, конечно, да и не завтра до его практической реализации дело дойдет. Клубок запутанных вопросов между нами тот еще. И реакцию Британии с Францией нужно просчитать. Как немедленную, так и на перспективу. Но разговор будет вестись именно в этом ключе. Задача первая – возро-

дить договор перестраховки. На современном уровне политических реалий, естественно. Чтобы германцы могли спокойно не только строить свой собственный флот, но и деятельно поучаствовать в создании нашего. И в переоснащении нашей промышленности. В этом, после всей той штурмовщины, что нам пришлось пережить, в том числе и при копировании французского образца линейного корабля, полагаю, вас убеждать не нужно?

– Да уж. Жаль только, что мы немцам, Шихау или «Вулкану», броненосца так и не заказали...

– Сейчас сможем посмотреть их «Виттельсбахи» вблизи. Вам будет с чем сравнить культуру производства. Кстати, из нас Тирпица хорошо знает только вы, как я понимаю?

– За остальных не скажу, сам знаю его со времен моей бытности в Берлине морским агентом. Не стану утверждать, что мы стали закадычными друзьями, но общались много и вполне по-доброму.

– Ну, значит, вам-то с ним завтра и биться. Он тихушный противник договора с нами, по крайней мере, до конца войны. Как и Рихтгофен. Но с кайзером уже имеется секретная договоренность, что этого он вскоре заменит. Канцлер Бюлов – тот хитрый прагматик и прямо против экселенца не пойдет. А вот с адмиралом нужно как-то договариваться.

Вадим вздохнул, глядя куда-то вдаль. Потянуло дымком: ветер растрепал над трубами идущего впереди «Александра» поистине величественную черную шапку...

– Уголек-то не ахти в Либаве взяли, – поморщился Дубасов, – вот ведь еще проблема-то...

– Она по-любому скоро разрешится. Все равно нам через пару-тройку лет флот надо на нефть начинать переводить. По крайней мере, корабли первой линии. Вы же сами государю статью Фишера прислали... А вообще, у меня к вам есть предложение: давайте подышим еще чуть-чуть, а потом, если вы не возражаете, Федор Васильевич, спустимся ко мне, посмотрим документы.

– Вот ведь, как оно все развернулось... Да, Михаил Лаврентьевич... Удивили! Но Альфреда я вполне понимаю. А ну как бритты сунутся в Балтику? Ему же ради нас полфлота положить придется, если не поболее...

– Мы немцам нужны не меньше, чем они нам. Вернее, на данный момент мы им нужны даже больше, чем они нам. Ведь реально противостоять диктату Британии способен только блок континентальных держав. Поэтому Францию от Англии надо отрывать в любом случае. По-доброму. Или как-то по-другому. И от нас тут зависит очень многое... Но, может быть, вы считаете, что наш император задумал предать союзника?

– По-моему, после апреля тут даже говорить не о чем. Это они нас предали. Так что в смысле совести – что посеешь, то и пожнешь. А я-то, если по правде, о таком даже уже и не мечтал... Я не о министерстве, конечно, поймите правильно. О немцах... Про Альфреда, думаю, вы не совсем правы. Он

давно и искренне за союз с нами. Просто опасается англичан. Вы ведь их договор с японцами внимательно прочли? Вместе с пояснениями Бенкендорфа?

– Конечно. Тем более непростое положение сейчас сложилось после апрельских шашней Парижа с Лондоном. Немцы во сне холодным потом покрываются от мысли, что мы можем вдруг оказаться втянутыми в это их «сердечное соглашение» в качестве третьей силы. А на эту тему Париж зондаж уже производил, вы же знаете. И доморощенные гении, что за этот вариант руками и ногами цепляются, у нас имеются. Даже с избытком.

– Да, французы... но как же Алексей Александрович? Да, он же... Ну, вы понимаете. И Федор Карлович ему особенно близок, как мне кажется. Что он о его отставке скажет?

– Император считает, что его дядя генерал-адмирал должен немного отдохнуть от трудов праведных. Ницца там, Париж или Вильфранш... Ривьера, одним словом. Глядишь, там где-то за полгода-годик восстановит силы, подлечится.

– Считает? Или решится? Это разные вещи, знаете ли, – Дубасов скептически поджал губы. – Мягко наш государь больно. Мягко да отходчив. Сначала отставит, а потом возьмет, да и поболее, чем было, даст...

– Не волнуйтесь, Федор Васильевич. Насколько мне известно, это окончательно решено. А вам от государя будет, между прочим, еще особое поручение. Подумать немедля о

вашем преемнике в МТК. И на кого менять Рождественского. У него тоже со здоровьем не все ладно...

– Все не слава богу! – Дубасов поморщился. – Опять, как лошадей на переправе...

– Кстати, вы ведь только что с югов? Разрешите полюбопытствовать: как на «Потемкине»? Успеваем? У вас он, поди, в печенках сидит? Но простите мой навязчивый интерес к сему пароходу, очень уж хочется видеть этого красавца во главе нашего флота на Тихом океане.

– Ну, что сказать, Михаил Лаврентьевич... Корабль выстроен полностью. Экипаж тоже, считаю, вполне готов. С «Георгия» и «Синопа» на него лучших людей взяли, да и тихоокеанцы-сверхсрочники на «Океане» подросли как нельзя кстати. Машинное и котельни в хорошие руки попали. Вот «Очаков», этот пока не принят в казну, но Чухнину я дал добро на пробные выходы. Что экипаж броненосца сплавался, сказать не могу, но с каждым днем набирают. Григорий Павлович дело свое знает, так что здесь я спокоен.

Скрыдлов с черноморской эскадрой подготовку эскадренных угольщиков обеспечил. Обошлось без неприятностей, хотя поначалу побаивался народ этого цирка: жонглирования мешками с угольком. И с балтийцев унтеров через все учения пропустили, так что справиться должны вполне. Кстати, Иессен доложил по результатам отрядных стрельб: выучка башенных команд, которых контр-адмирал Писаревский для «бородинцев» школил на «Ростиславе», вполне на

уровне. Благодарил. Я уже и представленнице на Сергея Петровича заготовил, а ведь то идея ваша была... Одним словом, если по чести, это мне, старику, нужно у вас прощения просить.

– Да полно, что вы! И с чего бы?! Только мне и впору извиняться, ведь не без моего участия вам таких забот привалило. И насчет стариковства своего, вы это... через край... Понимаю, у черноморцев два лучших корабля отнимаем. Но нужно проблемы решать по мере их поступления. Сначала – японскую, а уж потом – турецкую. Так нам карты легли.

– Нет, вы поймите меня правильно, молодой человек, я вполне серьезно говорю... Ибо действительно виноват я перед вами. И прошу простить мне, что в силу несдержанности и резкости некоторое время назад позволял себе публично и нелицеприятно высказываться в ваш адрес. В свете тогдашней уверенности в вашем полном дилетантстве в морских, политических и технических вопросах... И в авантюризме!

Чего стоила убежденность царя в необходимости незамедлительной разборки и отправки во Владивосток балтийских и черноморских «соколов»?! А какие деньжищи немцам и американцам сумасшедшие за моторы для катеров этих минных отвалили? В погоне за скоростью фантастической... Но ведь «Тарантул» выдал тридцать! Ваши же это были затеи, хоть на Гейдена, как на зачинщика, свалили. И на Степана Осиповича кивали. Но я-то все понял. А уж чтобы эскадренный броненосец достроить и сдать в такие сроки... Ну, не

мог я поверить, что этот корабль вообще возможно вывести из завода и принять в казну к сроку, определенному для изготовления к походу третьей эскадры! Слишком много проблем. Просто отказывался верить, что такое в принципе возможно. Николаев – это вам не «Виккерс»... Начать с того, что он же «черноморец», дальность не океанская, куда уголь грузить-то? И с отоплением – считай, все заново. И котлы после того злополучного пожара только смонтировали, еще не хоженные, новые. И добронирование оконечностей...

Еще проблема этих раковин в броне башен. Треклятых! Я ведь, когда меня тогда лично император вызвал, после нашего разговора вышел, ненавидя вас жесточайше. Ну а сами-то посудите: по какому такому праву молодой, самоуверенный выскочка советы дает начальнику МТК? Учит меня... *меня*, как корабли строить! И как их проектировать! А история с этими рудневскими эскадренными угольщиками?.. Простите, обида глаза застила. Только вы поставьте себя на мое место...

– Федор Васильевич, дорогой! Какие могут быть извинения с вашей стороны?! Это вы меня простите великодушно за тот эксцесс. В технике я, правда, на две, на три даже головы ниже вас. Но только когда Всеволод Федорович провозжал в Петербург, он меня напутствовал словами, которые навсегда в память врезались. Он крикнул мне тогда с мостика, когда мы от «Варяга» на катере в Шанхай отваливали: «Помните, начальство предполагает, а война располагает!»

И знаете, как мне это напутствие помогло при первой встрече с государем...

– Да уж, невероятное дело вам удалось! Всех льстецов и наушников от Николая Александровича отодвинуть. У него ведь как шоры с глаз спали! То, что происходит сейчас с флотом, многие офицеры и адмиралы иначе как чудом не называют. Только кто-то от чистого сердца, а кто-то, простите, и с завистью...

– На всех льстецов и себялюбцев возле Николая Александровича меня, увы, никак не хватит. Не обольщайтесь. Так что гадостей флоту еще много пережить придется. Особенно при разработке новых типов кораблей и принятии большой кораблестроительной программы. А цели стать первым визирем я не преследую вовсе, поэтому и завистников опасаться не склонен... Кстати, когда вы тогда встали перед царем, я боялся больше всего на свете, что откажетесь и потребуете отставки. Но, честно, не от того, что совестно было. Просто я был абсолютно уверен, что достройку «Потемкина» в срок можно осуществить лишь в том случае, если император лично вас это сделать обяжет. Это только в ваших силах было.

– Вот-вот! Вы, молодой человек, все понимали, а я, многоопытный моряк и командир, бесился, потому как не верил. За то в первую очередь и винюсь. Хотя распоряжение Николая Александровича принимать башенную броню с раковинами сразу меняло дело по срокам готовности корабля. Но тогда я, простите, расценил этот пассаж почти как диверсию,

опять же от вас персонально идущую!

– А сейчас как это решение расцениваете?

– Конечно, раковины в броне... По сути дела, такое абсолютно не допустимо. Двух мнений тут нет и быть не может. Ибо, как еще Петр Алексеевич положил, приемщику, недодел пропустившему, кара тяжелее даже, чем нерадивому заводчику. Но, по спокойном рассуждении, мы пришли к выводу, что по носовой башне, где только две серьезные были, одна в тылу, в полуметре от броневой двери, а вторая в задней части правой боковины, в принципе, приемка возможна. Если исходить не из обязательных требований и документов утвержденных, а из возможности поражения этих частей в бою. Она, конечно, много меньше, чем у лобовой части. Для кормовой же башни две детали пришлось-таки лить заново. Права на брак и переделку уже не было. Но, в итоге, слава богу, вышли чисто. Одним словом – успели. И информацию о применении японцами преимущественно фугасов для крупных калибров мы тоже учитывали. Но после этой войны плиты брачные заменить нужно будет непременно.

Как я расцениваю... Еще один линейный корабль уводит Григорий Павлович к Артуру. Да еще какой! А если бы все по букве да по параграфу, поспел бы он к ноябрю. Слава богу, что так все сложилось. Вот как расцениваю. И... спасибо вам, Михаил!

– За что? Федор Васильевич! За нервотрепку? За ту, что, слава Тебе, Царица Небесная, позади, и ту, что впереди? А

она для вас в новой должности лютая будет...

– За то, что император наш сегодня к флоту лицом поворачивается, а не в кораблики играет. За то, что вы, зная, какую ахинею я на вас лью, сказали Николаю Александровичу, что только я на месте Авелана сумею разгрести все это... Только не спрашивайте, пожалуйста, откуда знаю. Знаю, и все!.. За то, что кораблестроением занялись, что до бунта Кронштадт и Ижору не допустили. И за то... За то еще, что к немцам идем не просто так, не с пустыми руками, за то, что государь наш увидел, наконец, что флот военный – не просто игрушка диковинная, а великий инструмент политический...

– Самая длинная вооруженная рука государства.

– Вот! В точку...

* * *

После изучения бумаг и окончательной выработки линии поведения в общении с немцами на завтра Вадим, проводив Дубасова до его каюты, вновь поднялся наверх. Над морем спускалась нечастая для Балтики полетному теплая, но уже по-осеннему звездная ночь. Слегка покачивало...

Прислонившись к нагретой солнцем за день броне шестидюймовой башни на правом, наветренном срезе, он молча стоял, вглядываясь в полоску светлого неба на западе в абрисе фиолетовых облаков, на фоне которой резко выделя-

лась темная громада идущего впереди «Александра». На душе было и легко, и... беспокойно. Сердце сжимала теплая и светлая тоска по той, которую он оставил в далеком шумном столичном Петербурге.

В эту ночь посреди Балтики он впервые признался себе в том, что ему одиноко и пусто без нее. Без ее лучистых карих глаз, без шороха ее легкой, быстрой походки, без ее милого, диккенсовского акцента, без запаха ее чудесных волос... Именно тогда он понял, что любит. Понял, что так случилось, что с этим теперь ничего не поделаешь. И все это очень и очень всерьез. И...

И так уж получается, что новейший черноморский броненосец «Князь Потемкин-Таврический», о котором они недавно говорили с вице-адмиралом Дубасовым, имеет к этому самое непосредственное отношение.

* * *

Решающий шаг в долгом и непростом сближении Банщикова с Ольгой Александровной имел место быть, когда он в очередной раз попытался уломать Николая на «морской круиз». Самодержец всероссийский категорически не желал отправляться в гости к греческим родственникам на броненосце. Его совершенно не прельщала перспектива оставлять беременную жену, ожидающую долгожданного наследника.

– Государь, ну представьте только, скольких зайцев вы

убьете одним выстрелом! – в надцатый раз распинался Вадик. – Во-первых, ваше присутствие на «Трех Святителях» позволит юридически безукоризненно провести броненосцы через Босфор и Дарданеллы. Если вы помните, ваше величество, то по договору о проливах русские боевые суда первого и второго рангов могут проходить его только по фирману султана при наличии главы государства на борту. А нам сейчас на Дальнем Востоке каждый лишний линейный киль нужен позарез!

– Да. Но где гарантия, что Абдул-Гамид такой фирман соизволит подписать? Англия, знаете ли, все одно будет против. И как мы выведем два броненосца, ведь я могу быть лишь на одном, а? – скептически нахмурил лоб Николай.

– Султан блюдет интересы Турции и нечаянной выгоды для нее не упустит, – устало выдохнул Вадик, многозначительно посмотрев на царя и неожиданно заслужив первую за месяц улыбку на лице великой княгини. – Он прекрасно понимает, что любой наш броненосец, покинувший Черное море, обратно без его разрешения не вернется. А в данном случае, с вами на борту, вопрос пропуска превращается в пустую формальность, следовательно, ему, султану, Англия никаких претензий предъявить не сможет. Вот на обратный их проход он позволения точно не даст! И у турок в случае войны с Россией будет на парочку броненосцев меньше головной боли. Если же мы османам сразу скажем, что это рейс в один конец и назад на Черное море корабли не вернутся,

возражать они точно не станут. Кстати, на втором корабле может пойти генерал-адмирал, к примеру. Или кто-нибудь другой из наиболее близких вам Романовых.

Во-вторых, любой офицер и матрос нашего флота, особенно его воюющей на Тихом океане части, узнает *как и кем* были протащены на театр боевых действий эти «лишние» броненосцы. И будет прекрасно понимать, что, возможно, именно наличие этих, неучтенных японцами в их расчетах кораблей спасет его жизнь. Как вы думаете, ваше величество, ваши моряки после этого будут более или менее внимательно прислушиваться к агитаторам, которые им в оба уха поют, что царю на них наплевать?

– Пожалуй, что менее... – задумчиво протянул Николай.

– В-третьих, если мы покажем нашим японским «друзьям», что раз уж мы смогли вывести пару броненосцев с Черного моря, значит, им придется в своих планах учитывать и весь остальной Черноморский флот. А это для них катастрофа! В свете чего возможны предложения о мире еще до того, как Чухнин пройдет Сингапур. Кстати, полагаю, решить вопрос с турками Ламсдорфу там будет много проще, чем вам здесь с ГМШ, Генштабом, Скрыдловым, Рождественским и всеми остальными, кто видит целью своей жизни босфорский десант. И кто костями ляжет против вывода черноморцев. Вспомните ругань с Дубасовым. Ведь все эти его «не могу», «невозможно» и «не хочу» были только из-за нежелания ослаблять Черноморский флот! Мол, с макаками и бал-

тийцы на раз-два должны управиться...

– Но переход двух броненосцев без крейсеров, разведки, миноносцев во время войны... Не слишком ли рискованно? – попытался опять отмазаться Николай.

– Это с какой точки посмотреть. Вирениус оказался в положении еще более рискованном. А в данном случае нам можно подгадать выход черноморцев так, чтобы в Средиземном море они встретились с «Александром», «Суворовым», «Орлом», «Сисоем» и «Светланой», которые будут готовы к походу через месяца два – два с половиной.

– Господи... ну, как я могу бросить Аликс одну в такой момент?! Да еще на целый месяц! – снова запел уже подоставшую Вадика песню несчастного мужа его величество.

– Ники, – внезапно вступила в разговор почти месяц не принимавшая активного участия в обсуждениях Ольга, – ты ведь помнишь того молодого офицера, с которым меня с год тому назад познакомил Мишель? Ну, он еще стал адъютантом у моего мужа... Да, вижу, ты вспомнил. Так вот, он отбыл с моим полком в Маньчжурию. И погиб... В той злощастной атаке! Мы с ним были близки... как только могут быть близки два человека, один из которых формально замужем и никак не может получить развода. Это по нему, не по всему моему подшефному, почти уполовиненному полку я, бессовестная, на самом деле ношу траур.

– Оленька, прости. Я не думал, что... Я, поверь, сочувствую твоему горю. Но зачем ты мне это сейчас рассказыва-

ешь? – ошарашенно пробормотал Николай.

– А к тому, дорогой братец, – непривычно жестко и как то по-новому глядя брату в глаза, произнесла сестра, – что иногда для блага государства жертвы приходится приносить и членам августейших фамилий. Я свою принесла. И, в отличие от тебя, я потеряла любимого человека не на месяц, а навсегда... И еще, господа, мой любимый брат, императрица, наш дядюшка... они же не единственные «особы, принадлежащие к правящей фамилии». Какие еще корабли с Черного моря могут принести сейчас пользу на Дальнем Востоке, Михаил?

– Ну, если очень постараться, через два месяца можно выпихнуть в море «Очаков», систершип «Богатыря», на текущий момент один из лучших бронепалубных крейсеров мира. Из черноморской пары он в большей степени готовности, чем «Кагул», тем более что часть брони последнего мы уже пустили на модернизацию «стариков».

Но как врач, – вспомнил о своей «основной» профессии Вадик, – я категорически против морских путешествий для государыни императрицы во время беременности. Конечно, вот если бы Мария Федоровна...

– А кто говорит про императриц? Я вроде бы пока еще тоже «особа, принадлежащая к правящей фамилии», а уж мне-то море сейчас весьма полезно. Вот и составлю компанию братцу, как в старые добрые времена... Помнишь, Ники, как в детстве мы любили бывать на море? Ты же не отка-

жешь мне в маленькой прихоти сплавать в Афины? Я хочу посетить нашу милую тетушку, по которой смертельно соскучилась. Тем более, на самом мощном броненосце в мире!.. Да! А на «Очаков» пусть грузится Алексей Александрович, «Светлану» же ты у него отобрал, а он так любит крейсера.

– Что хочет женщина, того желает и Бог, ваше величество!

– Угу. А моя жена для вас не женщина, что ли? Царица, и только? Что молчите?.. Так-то... Ладно, вызываем Ламсдорфа.

– А я с вами все равно поеду!

– Ну, хорошо, Оленька, хорошо. Пускай будет по-вашему, – теперь, когда у не отпускающей его из Питера жены появился противовес почти равного калибра и того же пола, тянущий его в Грецию, Николай сдался. Начиная с того дня великую княгиню стали неоднократно видеть прогуливающейся под руку с доктором Баншиковым.

* * *

На исходе лета император Всероссийский, сразу после исторической встречи с кайзером и проводов из Либавы первого отряда третьей эскадры Тихого океана, скоропалительно отбыл в Крым, где во время инспекции Севастопольского порта и кораблей флота поднял штандарт на только что выстроенном трехтрубном красавце броненосце «Князь По-

темкин-Таврический».

Четырнадцатого сентября, приняв в кильватер броненосец «Три Святителя» с великой княгиней Ольгой Александровной на борту, в сопровождении спешно введенного в строй крейсера «Очаков», для чьей достройки были частично «каннибализированы» механизмы однотипного «Кагула», он вышел в направлении Константинополя. Николай II планировал нанести в Афины ответный официальный визит. На «Очакове», для соблюдения буквы Берлинского трактата, держал свой флаг генерал-адмирал, великий князь Алексей Александрович.

Вечером того же дня аванпорт Одесского порта покинул караван из нескольких больших транспортов под коммерческим флагом, но под эскортом четырех новейших истребителей 350-тонного типа. Приблизительно на широте болгарской Варны оба русских отряда встретились, после чего, обойдясь без излишних салютов и взаимных приветствий, транспорты по приказу адмирала вступили в кильватер броненосцам, а истребители попарно разбежались в ближний дозор.

С рассветом сигнальщики «Жаркого» углядели впереди дым. К удивлению офицеров и матросов русских кораблей, на подходе к Босфору их ждал недавно вошедший в состав турецкого флота крейсер «Гамидие», который и проэскортировал их через проливы. Единственной задержкой на их пути стала кратковременная стоянка в Стамбуле для отда-

ния салютов и прочих предусмотренных протоколом почестей турецкому султану, с которым царь имел непродолжительную беседу на борту броненосца «Мессудие». Затем русский отряд продолжил движение к Мраморному морю, формально направляясь в греческий Пирей. Об истинной цели похода знали немногие...

Через несколько дней направляющийся на Дальний Восток с Балтики отряд Российского Императорского флота милях в сорока от входа на рейд Порт-Саида встретился с кораблями, которых теоретически в Средиземном море быть вообще не могло. Громогласное «ура», дружно выкрикиваемое командами, временами заглушало даже залпы салютующих орудий. И после затянувшегося на два дня царского смотра, на котором матросы приветствовали Николая без единого понукания со стороны офицеров, усиленная в полтора раза 3-я эскадра флота Тихого океана потянулась в Суэцкий канал.

До этого он успел принять на борту «Потемкина» представителей местной администрации и командиров находившихся здесь английских и французских кораблей, раздав им по случаю ордена Станислава и Анны. Единственным исключением стало награждение двух офицеров германского флота. Командир скромной канонерской лодки «Пантера» и «случайно» оказавшийся на ее борту военно-морской агент Германской империи в Стамбуле получили ордена Владимира 4-й и 3-й степеней соответственно. После чего со всей сви-

той, в которую входил Банщиков, Николай Александрович на «Полярной звезде» отправился погостить в Афины. Приличия надо было соблюсти...

На корме царской яхты, нежно обнимая за плечи великую княгиню, любующуюся золотой ртутью тонущего в сапфировой голубизне Средиземного моря солнца, Вадим тихо прошептал ей на ухо, впервые обратившись к ней на ты:

– Пожалуй, все, что могли на данный момент, мы уже сделали, Оленька. Можно до возвращения в столицу расслабиться и немного подумать о себе, а не о России. По-моему, тебе пора развестись со своим мужем, как ты на это смотришь?

– Я бы с удовольствием это сделала еще год назад, но, увы, – он мне отказал. Я просила брата. Но он... Он говорил с матушкой. И они... ну, то есть он, конечно, поставил условие: не ранее, чем через семь лет. Так что придется потерпеть, Михаил. Или найти себе кого-то свободного. Хоть мой брак и формальность, но нарушать его святости перед Богом я не могу.

– И не придется, Оленька. Я достаточно хорошо тебя узнал, чтобы не поставить перед столь непростым выбором. Но по нашему возвращению в Питер я сделаю твоему мужу предложение, от которого он вряд ли сможет отказаться. И еще – пожалуйста, называй меня Вадимом или Вадиком, когда мы вдвоем. Привычнее как-то...

Глава 2

Балтийский ветер

*Эскадренный броненосец «Император Александр III»,
Балтийское море у побережья о-ва Готланд, 25 августа
1904 года*

Двери командирского салона неестественно громко хлопнули за его спиной. Обогнав Николая, Вильгельм словно вихрь пронесся к столу, решительно снес в сторону лежавшие на нем бумаги с карандашами и, сбросив на кресло несколько папок и рулон карт, водрузил на него свою трюголку с видом лихого квотермейстера¹, поднимающего флаг на мачте взятого на абордаж корабля. Слава богу, брызжащая через край энергия венценосного гостя не коснулась письменного прибора, поскольку обе его чернильницы были полными...

– Ну, вот! Наконец-то мы, дражайший мой Ники, сможем спокойно поговорить! Без всех наших адмиралов и капитанов, а главное, прочих разных советчиков. С их вечно насто-роженными ушами, глубокомысленными вздохами и подхалимскими мордами. Да! Но каков корабль! Каков корабль...

¹ Командир абордажной партии во времена парусных флотов.

Красавец! И какой же, кстати, le gougnafier² этот твой Бухвостов. Знать, что мы приедем к нему, и загодя не подготовить салон?..

– Вилли, ну, не сердись, прошу тебя. Они не ждали нас сегодня к ужину. Сам знаешь – это мы скомкали протокол. Ничего не поделаешь, но сегодня дивную роминтенскую оленину слопают твои и мои адмиралы на «Мекленбурге». А здесь нам придется немного подождать, я же тебя предупреждал.

– Ай! Перестань, пожалуйста. Какой еще протокол? Ты Фредерикса не взял с собой – вот и нет у тебя никакого протокола. И никому в голову не пришло, что могут нагряться два императора! А как же Устав?! Командир корабля должен ждать своего адмирала в любой момент дня и ночи! Тем более командир корабля, носящего имя твоего царственного отца. В конце концов, дорогой мой, я ведь адмирал твоего флота, или что?.. Как некогда говаривал один толковый корсиканец: «Si quelqu'un te lèche les bottes, metslui le pied dessus avantqu'il ne commence à te mordre...»³ Этот Бухвостов определенно оскорбил нас обоих своим непочтением. Ты должен его обязательно проучить! На будущее. Это не обычная дурость, это просто какое-то свинство конченное! Я не...

– Ну, да. Ну, да... Я слышал, многие у тебя в фатерлянде, мой милый Вилли, считают большинство славян и русских, в

² Мужлан (фр.).

³ Если тебе лизнут сапог, подними ногу повыше до того, как за нее укусят... (фр.)

частности, свиньями. А уж дураками – так и всех поголовно. Смотрю, и ты туда же, – Николай с видимым удовольствием опустил в уютное кожаное кресло. На губах царя играла легкая саркастическая усмешка. Вильгельм, застыв на долю секунды от неожиданности с вытаращенными глазами и смешно встопорщенными кончиками усов, наконец гаркнул на выдохе:

– Ха!! Ники! Мой дорогой. Не говори же ерунды! Разные трепачи и придурки, это... Одним словом, дурачья у меня своего хватает. Как и свиней. И еще – свиноматок! – кайзер задорно расхохотался, обнажив два ряда своих прекрасных, мощных зубов.

«Жеребец ты, Вилли, и есть жеребец. Хотя и породистый», – промелькнуло в голове Николая.

– Кстати, а что мы будем пить? Я бы сейчас от твоего шустовского не отказался, да еще и от дичинки какой-нибудь. Уж про это-то твои Бухвостов с Гейденом, как моряки, обязаны были догадаться и подготовить для нас приличный стол. Да и этот... твой новоиспеченный военно-морской секретарь, он, что? Только одни бумажки у тебя на письменном столе перекладывает? Или и карандаши иногда точит? На мой взгляд, для фигуры типа моего секретаря военно-морского кабинета этот Банд... Банщикова явно молод и совсем неопытен. А это минимум контр-адмиральский уровень. Нет, я понимаю, – может, он и в самом деле храбрец, и все такое прочее. Но не поспешил ли ты допускать до столь

важных дел человека случайного, со стороны?

– Во-первых, это я им велел, Вилли, пока не подавать спиртное.

– Не велел?.. Ты?! Как это? Почему? Или я не у тебя в гостях? – на лице Вильгельма явственно читалось разочарование мальчишки, для которого неожиданно отодвинулась перспектива ужина с любимым тортом или возможность без помех проверить, что там запрятано внутри у новой игрушки. – Тогда я сейчас сам им прикажу!

– Не беспокойся. Если тебя продуло на ветру, тогда конечно же, – Николай позвонил в колокольчик. Заглянувший в двери граф Гейден без слов понял, что от него требуется, и тут же вернулся с хрустальным графинчиком, полным коньяка, и с легкими закусками, «вторым рейсом» поставив на стол чайный прибор из китайского фарфора. По салону поплыл дивный аромат свежезаваренного чая...

– Вот! Другое дело. А то – «не велел»... И ты мне так и не ответил, почему ты не взял с собой нашего Гинце?.. Хм, а чай-то прекрасный. Это от Твайнинга?.. Да, кстати, ты ведь заметил на «Мекленбурге» новый прибор системы управления огнем? Знаешь, почему мои Сименс с Герцем намного лучше, чем все эти хваленые железяки от Бара и Струда, а?..

Вильгельм II выделялся из всего рода Гогенцоллернов как удивительной легкостью мысли, так и раздражающей многих способностью молниеносно перескакивать с одного на другое. Некоторые из собеседников кайзера отмечали, что ес-

ли пытаться буквально следовать за его логикой, можно было либо заснуть, либо прийти в бешенство от «несварения мозга». Во всей красе это «достоинство» германского императора проявлялось и в общении с Николаем, троюродным племянником и шестюродным братом, которого Вильгельм искренне считал ниже себя как по росту, так и по уму. Отчего сбивающие собеседника с мысли скачки тем и эмоций случались у него сплошь и рядом.

Кроме того, возможность подавлять интеллект своего внешне более робкого младшего родича доставляла кайзеру истинное удовольствие. Для себя он уже давно решил и доказал, кто в их паре лидер. Николай же, хорошо изучивший характер и слабости Вильгельма, относился к таким его выкрутасам снисходительно и стоически терпел, предпочитая больше помалкивать в присутствии экспансивного дяди-кузена.

Но так, однако, было лишь до сегодняшнего дня. На этот раз российский родственник упорно не позволял германцу не только завладеть инициативой беседы, но и уходить от намеченной им темы серьезного разговора.

– Не велел потому, что нам с тобой, дорогой дядя, предстоит поговорить тет-а-тет об очень и очень важных для Германии и России вещах. В том числе не самых приятных. Поэтому лучше обсудить их на более или менее трезвый рассудок. Так мне представляется. Не забывай, пожалуйста, что у тебя мы уже подняли бокалы и за нашу встречу, и за Аликс с

Алексеем. Чутьочку попозже у нас все будет. Не сомневайся.

Что же касается Михаила Лаврентьевича, то ты просто всего не знаешь. Во всяком случае, рекомендации и отзывы о нем Алексеева, Макарова и Руднева были наилучшими. Я решил поближе присмотреться к этому неординарному молодому офицеру и считаю, что не прогадал. Думаю, когда у тебя появится возможность пообщаться с ним, ты сам все поймешь и одобришь мой выбор.

Нашего же дорогого фон Гинце я оставил в Петербурге только потому, что сейчас на него направлены все бинокли и подзорные трубы представителей дипкорпуса. Как ты понимаешь, я хотел, чтобы факт моей подготовки к нашей встрече и самый момент ее как можно дольше оставались для лишних глаз и ушей неизвестными. Как и то, о чем мы здесь рассуждаем и о чем, возможно, мы договоримся. Поэтому, как видишь, людей я с собой взял только тех, в чьем умении хранить секреты вполне уверен. А вот ты взял-таки с собой Гольмана, хотя и знаешь, что он иногда не прочь сболтнуть лишнее.

— Ники, ты возводишь напраслину на хорошего человека и отличного моряка! И ты же знаешь, что бедняга фон Зенден умудрился слечь с инфлюэнцией в самой середине лета. Кого мне было еще брать в подмогу Тирпицу?

— Что-то твой Альфред, сдается мне, не в восторге от такой помощи. Как ты думаешь, почему в Лондоне узнали о ваших планах насчет Циндао даже до того, как ты написал

мне первое письмо на эту тему? Гольштейн и Бюлов отпадают, Тирпиц – тем паче. Остается начальник кабинета, не так ли? Извини, возможно, я и перегибаю, только если я специально просил тебя быть аккуратным в этом моменте, значит, имел веские основания.

Во-вторых, как мне кажется, ты держишь на меня обиду за то, что я так неожиданно удалил от дел господина Витте, который уже был готов к тому, чтобы мы подписали торговый договор под диктовку твоего умницы Бюлова. Этот вопрос нам точно лучше обговорить не на хмельную голову... А чай... Чай от Липтона. Он был у меня в Петергофе, после того как ты его не принял во время Кильской регаты, помнишь?

– Ники, ну перестань! Какие между нами обиды? В конце концов, тебе не кажется, что мы сегодня уже проговорили достаточно много времени о всяких серьезных вещах? – Вильгельм страдальчески скривился, чуть выпятив нижнюю губу и притворно тяжело вздохнув. – Честно, у меня уже просто голова кругом шла до того момента, как Тирпиц с Дубасовым утащили нас всех на мостик. Кстати, позволь позжать тебе руку: я не ожидал, что новые корабли, столь недавно укомплектованные, смогут не только сносно держаться в строю, но даже вполне бодро маневрировать. Твой Иессен – просто молодчина! Я, пожалуй, дам ему сегодня Красного Орла. Не возражаешь?

– Нет, дорогой мой брат. Не возражаю. Кстати! Видишь:

ты сам подметил главное – адмирал, его командиры и экипажи не покладая рук готовятся к будущим боям, а вовсе не к императорским смотрам и визитам. Так что не обижай моего Бухвостова, пожалуйста, – Николай тихо рассмеялся, созерцая по выражению лица собеседника, что до Вильгельма дошло, как его только что мастерски поймали на слове, и поспешил подсластить пилюлю: – От души благодарю тебя за внимание к моим морякам. И можешь не сомневаться, твои адмиралы и офицеры будут также мною отмечены, их выучка великолепна. И, конечно, будут награждены все, кто контролирует производство новой взрывчатки, снарядов и радиостанций для нас. Офицеры, организовавшие и осуществившие перевод большой землечерпалки из Циндао в Порт-Артур, получают ордена Святого Георгия или Владимира, поскольку это была практически боевая операция. В том числе, конечно, твой агент при штабе Макарова, сразу поддержавший эту идею. Чтобы не тянуть, я передам награды для них с твоими наблюдателями, которые будут назначены на мои эскадры.

– Ха! Вот уж мне боевая операция! Хотя, возможно, ты и прав, ведь от этих япошек всего можно было ожидать... Да. Ты определенно прав! А каков же сюрприз для Того вышел, загляденье! Ведь уже в октябре, когда начнутся туманы и длинные ночи, вся твоя эскадра будет способна стоять в закрытой бухте. Это Макаров здорово придумал. Молодчина! Не зря Тирпиц так хорошо о нем отзывается.

Кстати, он сразу согласился на это, как только получил шифротелеграмму от графа Гингельгеймба. Мы в Циндао пока перебьемся. Тебе она сейчас нужнее. Между прочим, учти: юный граф весьма рисковал, отбив свою депешу из Артура в Берлин через головы троих начальников. Он даже Мюллеру копию не отправил! Я поначалу собирался его примерно наказать. Но Альфред стеной стал за своего тезку, заявив, что фрегаттен-капитен абсолютно верно истолковал свой союзнический долг, а в кают-компаниях не одобряют решений из эпохи шпицрутенов и линьков Старика Фрица. Так что хорошо все, что хорошо кончается! Ты же знаешь, я отходчив...

Хм?.. Значит, этот проныра и дядюшкин кошелек *Pour l'intima*, сэр Томас, и к тебе успел подлизаться. Каков хитрец! Но, по справедливости, чай действительно хорош...

Ладно, так и быть, мы простим твоего Бухвостова. Давай уж их позовем и пройдем, как ты мне утром обещал, по башням и батареям. И обязательно спустимся в котельные и в машину. К чистоте я придираюсь не буду. Ну, пойдем же! Мне не терпится осмотреть этого могучего красавца... И, в конце концов, почему ты все время смеешься, Ники?!

– Вилли, ну потерпи же немного. Нам действительно надо поговорить. И сейчас – самое время. Броненосец от тебя никуда не убежит, ты уже на нем. Попозже облазить сможешь здесь все, что пожелаешь. А рассмеялся я сейчас от того, что мне внезапно пришла забавная мысль. Заметь: мы с тобой

всегда беседуем по-английски или по-французски. И это при том, что и ты, и я, мы оба желали бы, чтобы в мире уважали и использовали немецкий и русский гораздо шире. Сами же задаем совсем иной тон.

– Ничего, мой дорогой, дай только срок. Тон мы им зададим правильный. Они нас все зауважают. Вон, взгляни! Как по ниточке идут! А как репетуются сигналы, видел? Пять секунд! Смотри: вот как должна маневрировать линейная колонна, – Вильгельм, опершись о казенник надраенной до блеска трехдюймовки, кивнул Николаю, приглашая его наблюдать за перестроениями германских кораблей.

* * *

– Согласись: твои так четко строй пока держать не могут.
– Что поделаешь, для моих это вообще один из первых выходов в составе отряда. Если бы не японцы, они еще стояли бы у достроечных стенок. Но сам ведь говоришь – «дайте срок»... Да, работают твои командиры действительно прекрасно. Давно я не видел столь слаженного маневрирования. Значит, моим есть пока к чему стремиться, – присоединившись к кузену, Николай внимательно наблюдал за перемещениями германских броненосцев, которые несколькими экономными поворотами «все вдруг» идеально точно встали из строя параллельной русским колонны им в кильватер, образуя единую линию, во главе которой шел «Александр» под

двумя императорскими штандартами.

Досмотрев зрелище до конца и отметив выучку немецких моряков здравицей флоту, «умеющему вызывать восхищение и у друзей, и у недругов», Николай поставил рюмку на стол, вернувшись к рассуждениям, от которых его оторвал балет корабельных эволюций.

– Так вот, по поводу той землечерпалки. Закончу свою мысль, если не возражаешь. Смотри сам: по факту, это мелочь. Но по сути, мы получили изменение всей тактической обстановки у крепости. В очередной раз убеждаюсь: все то, о чем говорил и предупреждал нас Макаров в последние два-три года, а Чихачев, Авелан, Верховский и Рожественский с Бирилевым умудрились замотать по обсуждениям и перепискам, все это нужно было делать сразу, не откладывая. А не показухой на публику заниматься. Он как в воду глядел, предчувствуя японскую подлость. Видимо, твой статс-секретарь его лучше понимает, чем дядюшка со всеми его протезе. Степан Осипович, между прочим, столь же высоко оценивает Тирпица... Кстати, Вилли, ты не замечал, как они похожи? Даже внешне?

– Бородищами своими, что ли? – Вильгельм раскатисто расхохотался. – Скажу тебе по секрету, это Альфред под твоих работает. Под Алексеева с Макаровым. Взял, да и зарастил свой отнюдь не героический подбородочек такими воинственными лохмами в духе варварских вождей. Я, было, хотел заставить его сбрить эту лохматую гадость, как царь

Петр Великий ваших бояр, но потом отстал. В конце концов, это его дело. Но с наградами для моих «азиатов» это ты верно решил. И Тирпица с Зенденом не забудь, пожалуйста.

– Конечно. Хотя это самое малое из того, что я хотел бы сделать, однако пока могу лишь это. Но, поверь, в России принято платить за добро добром. И я, и все мы крайне признательны тебе за всю ценнейшую помощь, что ты оказывал и оказываешь нам в связи с этой войной, особенно по части радиотелеграфных станций, толовой взрывчатки и моторных катеров. Для Дубасова же, как и для Тирпица с Гольманом, понятно, главным было то, что мы окончательно согласовали наши позиции по Марианам: по углю и по секретной базе Безобразова на одном из этих твоих островов. После истории вокруг Бара это главный момент, по которому в Лондоне могут поднять крик вполне обоснованно. Но это все, как ты понимаешь, касалось только текущей японской кампании.

В особенности же я благодарен тебе за поддержку в вопросе отсрочки подписания торгового договора и связанных с ним таможенных тарифов. Понимаю, как трудно будет бедняге Бюлову проводить через Рейхстаг новый вариант, который они с Коковцовым на днях согласовали, но полагаю, что он, Рихтгофен и Штенгель с моим новым премьером Столыпиным общий язык найдут. В итоге наши с вами выгоды будут обоюдными, а взаимные уступки – сбалансированными и вполне переносимыми на их фоне.

И ты должен знать вполне определенно, что главным про-

тивником работы в России твоих Круппа, Тиссена и Сименса был фон Витте. Одной рукой подписывая с Бернгардом ваш вариант договора, другой он уже готовил подзаконные акты вполне в духе прошлых таможенных войн. Да, к сожалению, это так... Убирая господина Витте, несмотря на его прежние неоспоримые заслуги, я думал о нашем с тобой более тесном сближении, отодвигая от принятия решений главного проводника интересов галльского капитала, коим он стал в последние годы. И, судя по всему, галльского духа тоже. Конечно, я позаботился о том, чтобы не оставить у него горького осадка, однако прежних доверительных отношений между нами не будет. Он слишком горд и был слишком... огорчен неожиданностью этой отставки. Ну, да бог ему судья в его гордости. Главное, чтобы помнил, что в остальном – судья я.

По секрету: мне пришлось поручить ответственным офицерам и чиновникам начать разбираться с возникшими в этой связи весьма неприятными вопросами. К сожалению, Сергей Юльевич не смог забыть мне еще прежней его отставки из Министерства финансов и завел дела с весьма неприятными личностями, чьи идеи колеблются от введения парламента, в лучшем случае такого, как у тебя, а в худшем – до полного кровавого якобинства.

Пикантность момента с торговым договором в том еще, что если бы я подписал его в том виде, который согласовали Витте с Бюловым, это было бы мощнейшим аргументом для подрывного элемента в антигосударственной агитации.

И это работало бы на руку японцам. Да и у тебя в России противников резко поприбавилось бы, что, как я полагаю, идет вразрез с твоими желаниями. Но как бы этому порадовались в Париже и Лондоне! Удивительно, как такого проигрышного политического момента не увидел твой столь дальновидный и многоопытный Бернгард?

Галлы, опираясь на сей прецедент, тотчас стали бы выкручивать мне руки, требуя подписать с ними подобный договор на их условиях. К сожалению, финансовый рынок Германии не сможет сейчас полностью закрыть все наши потребности. И без парижских денег мне пока не обойтись. А если они поставят условия связанных займов, преференций для их бизнеса в сравнении с твоим? Что мне делать тогда?

– Мой дорогой, с учетом твоих сегодняшних обещаний в отношении идей моих промышленников и грядущего разрешения наших угольных и рудных проблем, я готов сам заткнуть глотку всей гавкающей братии в Рейхстаге. Даже картечью моей гвардии, если сильно попросят! Хотят отпуска – они его получают! Боже! Как я иногда завидую тебе, что в России нет этого гнусного парламентского рудимента бисмарковских заигрываний с плебсом! И со всякими ничтожными князьками, нацепившими на себя фиглярские коронки и позволяющими себе надувать губы на Пруссию и ее короля!

Ты тонко пошутил тогда, перед земцами. Совершенно верно – после победы они про все «представительства» забудут. Но имей в виду, что случись у тебя смута в тот момент,

когда армия и гвардия сражаются где-нибудь на Востоке, я дам тебе столько корпусов, сколько понадобится, чтобы раздавить любую скверну, угрожающую твоему трону.

По части займов: я непременно укажу моим толстосумам, что прижиматься в отношении Петербурга им не следует. Пусть Коковцов приезжает. Подпишем договор и обсудим все наши финансовые дела. Кстати, можешь его обрадовать: я решил упорядочить процедуру выдачи вывозных премий на зерно и муку. Хватит моим хитрецам рушить твой европейский рынок. Свое пусть вывозят – их право. Но за перепродажи я их прищучу. Ну а ты накажи своих: неужели так сложно построить элеваторы и наладить нормальную очистку зерна? Ведь это же один из важнейших источников твоих доходов!

Что же касается Витте, здесь ты волен решать. Он твой слуга. Как ты помнишь, именно в этом смысле высказался твой покойный отец, когда мне пришлось расстаться с князем Бисмарком. Да и Авелана с министерства, по правде говоря, ты убрал правильно. Старый конь застоялся и зажрался французского овса. Галопа от него не дождешься, как ни гоняй. На колбасу! Но вот Алексей Александрович... Как ты смог решиться на такое, Ники?! Или все-таки мой глас наконец-то услышан? И твоя вера в добродетельную верность девицы Марианны после ее лондонских походов этой весной поколебалась?

– С дядей Алексеем было очень трудно. Ты не представля-

ешь, чего мне это стоило. Но дело нужно было выправлять. А у него и со здоровьем не все ладно. И если ты газеты наши видел... ну, по поводу его француженки-балеринки, всех этих ее побрякушек да мебели. Уже ведь до полной наглости дошло! Со всякими пошлыми сравнениями. Я едва сумел замять скандал... Да еще в военное время, когда каждый рубль для Кронштадта или Артура под увеличительной лупой, о чем я всех предупредил лично!

– Ну, во-первых, твоя Мати поскромнее была. Хоть она и полька, но не в пример умней и дальновиднее этой вертлявой гальской дуры, – Вильгельм многозначительно взглянул на кузена, – а во-вторых, я за подобные фортеля шелкоперов сажаю в крепость. Сразу. Чтоб другим не повадно было. И тебе не советую либеральничать. Но меня беспокоит только, как тебе все это, в том числе и отставка Витте, отольется со стороны вдовствующей императрицы и остальных старших дядьев.

– Объяснения с мама мне так и так предстоят нешуточные. Как и с дядюшками. С Владом, Сергеем и Николашей. Или ты думаешь, что о нашем сегодняшнем чаепитии не доложат? Но другого выхода по генерал-адмиралу просто не было. Про Витте я тебе уже все рассказал. По поводу предвоенных «успехов» Алексея Александровича и его обожаемых Авелана с Верховским и Абазой ты сам должен быть в курсе, какой бардак творился в наших министерских и дальневосточных делах. И еще попытались все свои ошибки на

Алексеева свалить! Слава богу, я решил во всем тщательно разобраться. Кстати, я ведь на многие заседания Особого совещания фон Гинце специально приглашал...

– Да, Пауль мне докладывал регулярно. И, честно говоря, я понял это твое решение как подлинную открытость союзника, а не просто брата и друга! Не говоря уже о твоих планах по морской артиллерии. Но это – отдельно. Здесь у меня к тебе прямо-таки куча вопросов. И, уж извини, но напомним – если бы ты тогда, четыре года назад, заказал броненосцы моим заводам, сейчас бы весь твой флот был в Порт-Артуре. И громил японцев. А ты не мучился проблемой соединения трех эскадр... Или, что вернее всего, тебе и воевать-то не пришлось бы.

– Именно, мой дорогой Вилли, ты, как всегда, все схватываешь на лету. Именно – как брата, друга и союзника. Та весенняя история с французскими игрищами вокруг «двадцати четырех часов» будет памятна мне всегда, как и затяжка со срочным кредитом именно тогда, когда мне действительно внезапно потребовались деньги! Про подписание ими апрельского договора с дядюшкой Берти без каких-либо консультаций с нами вообще молчу... А на другой чашке весов – все то, что *ты* делаешь для России...

– Сколько раз я тебе говорил, мой милый Ники, что только вместе мы сможем обеспечить нашим народам их подлинно великое, заслуженное трудом, умом и кровью место в мире? Причем охранив их от войны! Сколько раз?! А сколько раз я

доказывал тебе, что все, чего хотят франки, – посадить тебя в долговую кабалу ради выполнения твоими руками заветов Гамбетты?

– Много. И всякий раз я убеждался в том, что ты прав.

– Вот! Только почему ты говоришь «гнусной войны»? Победоносной, друг мой! Я надежно прикрыл тебе спину в Европе, и теперь ты спокойно утвердишься на Тихом океане. Если хорошо пойдет у Алексеева, Макарова и Чухнина, возьмешь у желтомордых Токио и сполна считаешься с этим неблагодарным кривоногим народцем. Этих азиатских прихвостней Джона Буля давно пора втоптать в средневековые латным сапогом! Чтоб сидели на своих островах и носа оттуда не смели показывать! Кореи им, Китая захотелось! Ясно, что из Маньчжурии ты теперь не уйдешь, тем более что пекинские мандарины повели себя по-свински. Только второго боксерского бунта нам не хватает... Из Кореи япошек – гнать! Да и мне с твоей поддержкой много спокойнее будет за наше маленькое предприятие в Киаочао. Я не сомневаюсь, ты раздавишь макак, как слон черепаху, только брызги полетят в англичан с янки! – Вильгельм, войдя в раж, грохнул кулаком здоровой руки по краю стола. – И еще в этих британских лизоблюдов лягушатников! И спасибо, что открыл нам с Тирпицем глаза на интриги их и нашего коварного дядюшки Берти с этим «сердечным согласием». *D gueulasse!*⁴

Но ведь получается, ты и сам убедился в том, каковы эти

⁴ Блевотина! (фр.)

союзнички на самом деле. А сколько раз я тебя предупредал? Помни, Ники: я всегда готов служить тебе опорой. Это не только завет моего великого деда. Это и моя принципиальная позиция: святой долг христианских монархов – поддерживать друг друга в борьбе с восточным варварством. И я пойду до конца в его исполнении! Жаль, что неблагодарный, мягкотелый Вальдерзее, вопреки прямым моим приказам, позволял себе миндальничать с этими средневековыми чудовищами! Но уж мы с тобой... – Вильгельм явно заводился, собираясь развить тему крестового похода белой расы против азиатов в один из знаменитых монологов-лекций часа на полтора-два, способных закомпостировать мозги и ввести в ступор кого угодно. Однако Николай, до сих пор всегда стоически переносивший эту ритуальную пытку, вежливо, но твердо прервал начавшееся было неконтролируемое словоизвержение кузена:

– Дорогой Вилли. Мне сейчас не до наполеоновских планов. И не до патетики. Сначала нужно, чтобы мои эскадры успешно соединились, не дав японцам поколотить себя по одиночке. И чтобы Безобразов прочно оседлал пути подвоза в Японию вооружений и мяса из Америки. И риса из Индии и с Филиппин. Хотя я вполне уверен в нем, как и в Макарове, Чухнине и Рудневе, но кошки на сердце скребут... Ты зря, кстати, так о действительно заслуженном и талантливом фельдмаршале. Я не могу согласиться с такой оценкой и прошу тебя: будь великодушен к славному старику. Ты неспра-

ведлив к нему. Просто он там был, а ты – нет. Я там тоже был. Хотя и не долго. А как говорят знающие люди: «Восток – дело тонкое...»

– Ага. Был! Как званый мирный августейший гость. И чудом уцелел. А у него было все! Были корабли и солдаты шести держав. Было право быть неукротимым воином и суровым судьей! – Усы Вильгельма грозно вздернулись, вены на висках вздулись, ноздри трепетали, как у рыцарского коня в воротах ристалища, а глаза изливали неукротимый, праведный гнев. То ли на отвратительных бестий – азиатов, то ли на опального фельдмаршала, то ли на кузена Ники, столь бесцеремонно прервавшего, возможно, один из самых гениальных его застольных экспромтов, из-за проблемы недопущения которых в печать в нашей истории германский канцлер Бюлов поимел insult, хвала Господу, не смертельный, статс-секретарь МИДа Рихтгофен скончался от инфаркта, а близкий друг и советчик Вильгельма принц Филипп Эйленбург превратился в пугливого, затравленного неврастеника.

– Я не об этом, Вилли. Понимаешь, они ведь вовсе не варвары. И тем более не звери... Они – просто другие. И сами, со своей стороны, как на варваров смотрят на нас. На варваров жадных, жестоких и двуличных. Вот в чем дело...

* * *

– Что?! Желтые коротышки – не вар... Нет, Ники! Нет!..

Ты здоров ли?! Это же не люди! То есть не вполне люди, они же словно дикие, кровожадные животные. Они же... – Вильгельм, казалось, форменно обалдел от только что услышанной из уст царя чудовищной ереси.

– Милый кузен, бога ради, не распаяй себя так. Прости, что, сам того не желая, взбудоражил тебя. Не стоит нервничать из-за таких пустяков... Прозит! – Николай быстро разрядил обстановку самым проверенным способом.

– Ух!.. Райское блаженство. Черт! Как это твои научились делать коньяк лучше галлов? Мои, сколько ни бьются, все без толку! Ты ведь знаешь, я не особый ценитель крепких напитков, но *это* действительно божественно...

– Это – горы и солнце, дорогой мой Вилли. Теплый морской воздух и волшебный климат предгорий Араратской долины. Подвалы старой крепости Эривани. И еще – человеческий труд и талант. Хочешь, я тебя познакомлю? И все покажу там. Если по вкусу – скажи, сколько нужно ко двору, пришлем. Но не поминай нечистого все... Господи, прости... – Николай набожно перекрестился.

– Конечно, Ники! Я поручу старшему Эйленбургу⁵, пусть определятся. И пусть нам в Париже завидуют!

А в Крыму я давно хотел побывать. Я, кстати, наслышан о роскошных крымских виноградниках. Даже каналы-галлы это признают. И, в конце концов, будет здорово, если мои поучатся. Может быть, и у них выйдет что-то путное.

⁵ Август фон Эйленбург, обер-гофмаршал двора кайзера Вильгельма II.

– Вот только лукавить не надо, дорогой Вилли! Напрашиваешься на комплименты в отношении твоего превосходного рейнского? Или это такая очередная тевтонская военная хитрость? Не надейся, мешать мы сегодня их не будем. Кстати, российская Армения – это не Крым, хотя не так уж и далеко. В Крыму же мы с тобой непременно воздадим должное великолепным винам и шампанскому. Буду счастлив принять тебя в Ливадии, – Николай вежливо поправил Вильгельма. – Так, на чем ты меня перебил?

– На макаках, Ники. И все-таки давай-ка еще по одной...

– Да. Конечно... Но пока мы на этом остановимся, договорились? – Николай поднял свою рюмку и, чокаясь с кузеном, подумал: «Хм... а Банщикова-то и тут оказался прав, с этой своей наукой – психологией. Удалось перебить его настрой на эмоциональном взлете – и точно! Сдулся, словно проколотый мяч для английского футбола. Стало быть, скоро созреет и для серьезного разговора... Страшно подумать, там это преподают в университетах...»

– Значит, на макаках... А почему, собственно, на макаках? Возможно, нам, европейцам и христианам, привычно считать безусловно враждебным то, что мы не в силах или просто не хотим понять. Объявлять это ересью, ходить в крестовые походы, резать, сжигать на кострах, четвертовать. По своему лишь внутреннему убеждению ставить не похожих на нас априори ниже себя, награждать унижительными кличками. Только правильно ли мы поступаем? И в наших ли инте-

ресах такая высокомерная зашоренность и спесь? Не ослабляем ли мы тем самым собственную позицию?..

Перестань, пожалуйста, так на меня смотреть, разве все, о чем я говорю, – это не так? Мы объективно обязаны были куда серьезнее относиться к народам Востока еще до того, как начали там свои предприятия. Другое дело, что от смены нашего к ним отношения они пока не перестанут быть нашими противниками или даже врагами. Но к противнику нужно присматриваться серьезно, чтобы понимать, чего он хочет и на что он способен. Возможно, это со временем поможет нам научиться мирно жить под одной крышей.

Я ведь совершенно искренне полагал, что японцы никогда не нападут на Россию! И что? Война, знаешь ли, лучше розог всех учителей вколачивает серьезное отношение к противнику. Пулями и снарядами. И уж коли ты сам начал с Востока, позволь мне кое-что порассказать тебе из того, что я сумел узнать и понять за те месяцы, что мы с тобою не виделись. За месяцы не праздности и довольства, поверь мне, а неожиданного и сурового испытания. Вернее, испытаний... Но сначала давай, пойдем покурим на балкон, на ветерок. А то жарковато тут. Солнце печет сегодня немилосердно, почти как в тропиках.

– Вот поэтому я и предпочитаю ходить летом на север, к норвежским берегам. Фьорды – такая волшебная красота. Такой прозрачной воды, говорят, нигде больше нет. Ты, в конце концов, хоть разок составишь мне компанию? Или

опять дела, семья и все такое? Кстати, что мы курим сегодня?

– Вилли, обещаю: я обязательно выкрою время. И когда мои будут гостить в Дании, сходим на север вместе. Но не во время войны, конечно. Сначала разберемся с этим всем. Курительный столик и кресла – на балконе. Там ты и убедишься, что нас ждали, – Николай с улыбкой встал из-за стола, привычно разглаживая свой пышный ус.

– Ты что, собрался воевать с япошками до следующего лета? Полноте! Они пришлют послов в тот самый день, когда твой флот соединится в Порт-Артуре! Или американцы с англичанами примчатся в качестве посредников.

– Если честно, вот этого-то я и боюсь больше всего. Ну, пойдем на воздух.

* * *

Балтика нежилась в последнем щедром тепле уходящего лета. До самого горизонта лениво катились ее пологие, иссиня-серые волны, украшенные россыпями блессток солнечных зайчиков и пенными гривками изредка мелькающих барашков. Довольно сильный, но ровный ветер не помешал Николаю раскурить папироску, которую он привычно вставил в длинный мундштук трубки.

Вильгельм, грузно опустившись в облюбованное кресло, с минуту провозился, выбирая и обрезая свою сигару. Но вот, наконец, и он, устроившись поудобней, примостил на подло-

котнике больную левую руку и расслабленно откинулся на спинку укрытого мягким плюшевым пледом уютного, плетеного лонгера. Полуприкрыв глаза и выпустив из ноздрей струю благородного дыма, кайзер отдался неземному для заядлого курильщика наслаждению – изысканному купажу кубинского и египетского табака...

Минуты две-три лишь крики чаек, шипение воды в кильватерной струе, тугие хлопки невидимого из-под тента кормового Андреевского флага над головой да мерный, низкий гул двух могучих винтов внизу дополняли вечернюю нирвану двух императоров.

Слева, в туманной дымке, угадывались очертания лесистых берегов Готланда, прямо за кормой «Александра III» грузно рассекал его пенистый след могучий корпус «Князя Суворова». Многобашенная громада мателота совершенно скрывала за собой «Орла», о присутствии которого можно было догадаться только по сносимому на правый борт дымному шлейфу, четко видимому чуть ниже «суворовского».

Германские броненосцы успели вновь сманеврировать. Теперь, со «Слейпниром» в кильватере, они шли справа, в параллельной русским кораблям колонне, по их подветренному борту. Стандартные, на глаз неотличимые, гармоничные серо-голубые силуэты. Светлый дым, срывающийся с верхушек труб, говорящий как о безупречном состоянии котлов, так и о прекрасном качестве угля. Словно оловянные солдатики из одной коробки, из одной литейной формы.

Любимые игрушки императора...

Николай, задумчиво глядя вдаль, не докурив, заменил первую папиросу следующей. Затянулся, украдкой проследил за взглядом своего гостя. Вильгельм, судя по всему, действительно подустал из-за сегодняшней суматохи и маневров. А возможно, был несколько выбит из колеи отсутствием привычного расклада, где он – лектор, а Ники – почтительный, но не особо способный ученик.

Смакуя сигару, германский монарх умиротворенно взирал на строй своих и русских кораблей, на шумную суету чаек, выхватывающих из пены за кормой оглушенную рыбешку, на море, на бездонное синее небо с небольшими крутинками белых облаков. Весь его вид выражал спокойствие и отрешенность. Пожалуй, в первый раз за всю историю их встреч. Хотя, возможно, что хороший коньяк сказал свое веское слово. Обычно Вильгельм в обществе царя позволял себе только легкие вина.

– Милый Ники... ты это видишь?

– Что именно, Вилли?

– Какие могучие красавцы!.. Какая грозная, всепокрушающая мощь! Признайся, мой дорогой, ведь ради этого стоило жить? Не правда ли? – На Вильгельма явно находило лирическое настроение.

– Согласен. Хороши...

– О, если бы ты только мог представить, сколько сил и здоровья я положил, чтобы немцы осознали необходимость

постройки нашего флота открытого моря. Причем именно флота из эскадр одноптипных броненосцев, таких, как эти «Виттельсбахи». А еще до середины осени я покажу тебе моего нового «Брауншвейга». Какая получилась машина! Рудольф с Бюркнером просто великолепны. Ты их творение оценишь по достоинству, я уверен. Его-то мы и сравним с твоим «Александром».

– Конечно... Только будет ли смысл сравнивать? Жаль, но их время уже безвозвратно уходит.

– То есть как?! Почему «уходит»? – слегка встрепенулся Вильгельм, вопросительно взглянув на Николая.

– Через два-три года все эти юные, полные сил красавцы, и мои, и твои, окажутся безнадежно устаревшими немощными старцами. Увы... Ибо им на смену придет совсем иной класс кораблей.

– Какой иной? О чем ты, мой дорогой? О больших миноносцах? О субмаринах? Или о заокеанских бреднях с динамитными пушками этого поляка-янки Зелинского и прониры Крампа, который и к тебе пролезть сподобился? Бьюсь об заклад, что без твоего обожаемого Сандро при этом не обошлось. Что не удивительно. У него с английским всегда было получше, чем с французским, в отличие от вашего дядюшки генерал-адмирала, – Вильгельм самодовольно хмыкнул, подколов кузена намеком на очевидные интересы его родственников по части «военно-морского финансового сервиса». – Все эти новомодные французские и американские за-

теи – дорогостоящие эксперименты с неясным результатом. Не верь никогда безответственным прожектерам и разным рекламным картинкам. Я ежедневно занимаюсь военно-морскими вопросами и ничего иного, кроме линейного корабля как станового хребта флота, себе не представляю.

– Хм... Я тоже. Но это и будут линкоры. Только по своей мощи один такой корабль окажется способен перетопить все наши с тобой шесть броненосцев, которые ты сейчас столь восторженно разглядываешь, меньше чем за полчаса.

– Ники. Признавайся, ты знаешь что-то, чего не знаю я?

– Как ты думаешь, Вилли, в чем причина нашего недавнего отказа от постройки сразу четырех новых броненосцев, уже спроектированных и проведенных по бюджету?

– Война. Дополнительные расходы. К боям им все равно было не успеть, и рабочих ты решил перебросить на достройку «Князя Потемкина» и последних кораблей типа «Александра III». Очень верное решение... – Вильгельм выразительно кивнул в сторону «Суворова» и «Орла». – Так что здесь все очевидно.

– Все очевидно для прессы. И для тех, кто не знал действительной подоплеки дела. Помнишь, Вилли, я как-то намекнул тебе в телеграмме, что намерен создать новый разведывательный орган, отдельный от генштаба и жандармов?

– Ну, да, конечно. И что же они смогли выведать? И у кого?

– Только пообещай мне, что кроме тебя...

– Ники! Ну, как ты можешь, я же...

– Дорогой кузен. Это – *особая* тайна. Я слишком дорожу теми людьми, что добыли для меня эту информацию, чтобы позволить хоть крупицу риска в их отношении. Они не в России, не забывай. И контрразведка в других державах тоже есть.

– Хорошо! *Обещаю*... Не томи, Ники!

– Так вот. В то самое время, как ты азартно закладываешь вторую свою пятерку тринадцатитысячных «Брауншвейгов» с четырьмя одиннадцатидюймовками и четырнадцатью семидесятимиллиметровыми пушками, франки заканчивают проект броненосца в восемнадцать с лишним тысяч тонн. При схеме, близкой к «Цесаревичу», он будет нести четыре длинноствольные двенадцатидюймовки в концевых башнях и двенадцать двухсот-сорокамиллиметровок в шести башнях, по три на борт. И почти одиннадцатидюймовый главный пояс. Согласись, это уже совсем не «Республика» с «Демократией». Скорость его под двадцать узлов: все систершиппы, а их будет шесть, получают не паровые машины, а турбины Парсонса...

– Они решились-таки на это? На броненосцах?

– Да. В отличие от янки. Американцы идут иным путем по вооружению. Они на новых кораблях планируют ставить восемь двенадцатидюймовок в четырех башнях. В диаметральной плоскости, по две на носу и корме, при этом стоящие ближе к надстройке будут стрелять поперек концевых. На

мой взгляд – предельно рациональная схема. Но дальше всех пошел небезызвестный тебе английский адмирал сэр Джон Фишер. Решения о назначении его первым морским лордом уже состоялись. Дядюшка Берти намеревается, кстати говоря, сделать своего любимца и собутыльника адмиралом флота, чтобы сохранить его на службе еще пять лет. По своему воцарении в адмиралтействе его «дорогуша Джек» планирует строить серию турбинных линкоров со скоростью в двадцать один узел и с десятью двенадцатидюймовками, отказавшись при этом от среднего калибра вообще. Имея на борту восемь таких стволов со скорострельностью выстрел в минуту и централизованное управление огнем, организовать пристрелку – не проблема. Пять таких судов разнесут весь твой флот в клочья, не получив даже царапины. С дистанции, которая им будет выгодна, поскольку их эскадренная скорость выше, а орудия в сорок пять калибров длиной более дальнобойны, нежели твои новые одиннадцатидюймовки.

При этом бортовая броня и башни главного калибра британцев для них – очень крепкий орешек. А для твоих «коротких» стосемидесятимиллиметровок – практически неуязвимы, в результате они превращаются для «Брауншвейга» и его сестершипов в бессмысленный, но очень дорогой балласт вместо их основной артиллерийской мощи. И это притом, что ты сейчас не можешь сразу строить аналогичные английским корабли в двадцать с лишним тысяч тонн полного водоизмещения. Из-за проблем с доками, барами в устьях Шель-

ды, а главное – из-за недостаточной для них пропускной способности Кильского канала. Да и турбинные производства у тебя пока в зачаточном состоянии...

– Ты хочешь сказать, что англичане действительно загло-тили наживку этого чванливого итальянца? С той его идеей, что он сподобился опубликовать у Джена? – процедил Вильгельм, нервно роняя пепел с сигары себе на колено.

– Все гораздо хуже. Они ее еще и творчески переработали. И пришли, как ты, полагаю, понял, к куда более мощному и сбалансированному проекту, чем их строящийся сейчас «Нельсон». Я скоро получу исчерпывающие технические данные, позволяющие конкретно судить о возможностях этого их нового, революционного линкора. Но как только у бриттов будет хоть одна эскадра таких мастодонтов, ни моему нынешнему флоту, ни твоему – не жить.

А по поводу той статьи генерала Куниберти... Думаю, что просвещенные мореплаватели в лице Фишера сами ее ему и заказали. Так что выбрасывать огромные деньги и тратить силы на второсортные корабли, на радость королю Эдуарду и его адмиралам, мы не собираемся. И временно пошли на постройку больших ледоколов вместо броненосцев для того, чтобы загрузить заказами заводы. Когда рабочие заняты делом и имеют в кармане достойную зарплату, успех в их среде проплаченных японцами и американскими жидями агитаторов-социалистов будет минимален. Когда же начнется строительство действительно *новых* линкоров, для чего должны

дозреть и промышленность, и конструкторы, до ледоколов просто руки могут не дойти. У нас две главные базы на зиму замерзают. «Ермаком» одним никак не обойдемся, поэтому...

– Alte hinterhältig Armleuchter!! Ах ты старая подлая тварь! Мой дорогой дядюшка... Если когда-нибудь я смогу воздать тебе за все твои бесчисленные подлости... О! Тогда ты получишь сполна... За все свои хитроумные мерзости, сделанные немцам! Я воспользуюсь для этого только вашим достойным английским опытом. И инвентарем из Тауэра! – Вильгельм вскочил, как подброшенный пружиной или ударом электротока, лицо его перекосила болезненная гримаса. – Ники! Брат мой! Получается, что этот завистливый, похотливый мерзавец задумал меня разорить, как мелкого лавочника?! Господь, будь же свидетелем этих гнусностей! Вразуми! Что делать мне, несчастному монарху обманутого народа?!

Воздев сначала к небу глаза и взмахнув правой рукой в театральном жесте, кайзер внезапно обмяк и, порывисто дыша, тяжело облокотился на лакированные перила балкона, вцепившись всей пятерней здоровой руки в бронзовый клюв закрепленного на нем двуглавого орла.

– Не гневи Бога, мой дорогой брат. Но знай, что Он услышал тебя. Ибо смирил мои сомнения. Знай: отныне и вовеки, если придется тебе обнажить меч в сторону коварных берегов Альбиона, мой клинок будет вместе с твоим.

– Ники... Я знал... Знал! Верил, что в тот критический миг, который решает судьбы народов, ты будешь со мной! Мы будем вместе... Боже! Благодарю тебя и благослови наш союз! Ники!! Мой дорогой, возлюбленный венценосный брат! Если бы ты только знал, что только что спас мою жену и детей от горькой сиротской доли! Но сколько же мерзостей мне говорили и говорят про тебя всякие...

– Не гневи же Бога! Что еще за греховные мысли? Сиротство... Да, удар дядюшка Берти с его кабинетом, банкирами и лордствами готовят нам пониже пояса. А ты что хотел, собственно? Чтобы Лондон отступился от твоего флота? Или от моего, если утопление его япошкам окажется не под силу? Это, мой дорогой, британский реалполитик в действии. А про разные злокозненные разговоры в твоём окружении... – Николай помолчал, потом положил свою руку поверх руки Вильгельма, – ветер все унесет и развеет...

А про себя добавил: «Кроме той бумаги, которая, как считает Баншиков, сейчас лежит у тебя в кармане. Причем ты уверен, что в ней – божия благодать для Германии, а там лишь очередная подлость и предательство...»

– Как это все... Ники, прости, но мне необходимо срочно чуть-чуть промочить горло. Ты не возражаешь?

– Пойдем. Тем более что ужин уже накрыли. Но перед этим я попрошу тебя об одном одолжении.

– О чем ты? Какие одолжения?! Что ты хочешь?

– Вилли. Ты знаешь свою натуру лучше, чем я. Ты уверен,

что можешь сдерживать свои порывы? От посторонних?

– О, да! Я всегда...

– Вилли. Достаточно было лишь одной хулиганской, мальчишеской выходки с твоим прощальным сигналом в Ревеле в 1902-м, чтобы и Германия, и Россия получили *кучу* внешне-политических осложнений. Несколькими кусками цветной тряпки, несколькими сигнальными флагами ты дал в руки джингоистам громадные козыри, которые отчасти привели меня к войне с Японией, а тебя сегодня они ставят перед перспективой создания флота заново. Ты *это* понимаешь?.. Или тебе еще о «кровожадных и беспощадных гуннах» напомнить? О «бронированном кулаке», о телеграмме Крюгеру? Или о «новой славе меченосцев в эпической битве с сарматами»?

– Но, Ники...

– Вилли. Никаких «но». Давай условимся сразу: если мы с тобой идем вместе для того, чтобы свалить зазнавшихся англичан с трона мировой державы, если ты хочешь иметь величайший флот мира, обширную колониальную империю и поставить Германию выше всех в Европе... С *моей* помощью... Если ты не отказался от идеи, которую однажды высказал моему покойному отцу, то ты должен *молчать* обо всем, о чем мы с тобой договорились и еще договоримся. Молчать как рыба! *Даже на исповеди.*

Таково мое условие: никто и никогда кроме нас двоих не должен узнать, о чем мы договариваемся. Если только мы с

тобой вместе не решим поставить кого-либо в курс определенных, частных вопросов. Только так и не иначе. Никаких театральных пассажей перед толпой. Никакой браводы или намеков в самом узком или даже семейном кругу. Никаких сиюминутных телеграфных обсуждений. Это – *тайна*. И таковой должна оставаться.

– Ники. Я положительно не узнаю тебя... Что с тобой сделалось за эти несколько месяцев?

– Я не смог предотвратить войну... Но было и еще кое-что. Я объясню. Позже. А сейчас: ты согласен?

– Да. Я принимаю твое условие, брат. Я согласен...

– Вилли. Не сочти меня нудным: слово императора и короля?

– Согласен. СЛОВО ИМПЕРАТОРА И КОРОЛЯ!

– Вот и славно. И не смотри на меня так, словно только что проиграл мне битву при Кеннигреце.

– Нет! Братец, это просто неслыханно!!

– А об этом никто и не услышит. Я даже специально приказал убрать часового от кормового флага. Пойдем же. Я очень голоден...

* * *

– Итак, дорогой мой Вилли, если десерт тебя устроил, давай перебираться в кресла или на диван. Я расскажу тебе о том, что мне пришлось пережить и передумать за эти

несколько месяцев нашей разлуки. И что, собственно говоря, хочу тебе предложить. Вернее, даже не так: не предложить, а напомнить тебе об одном твоём же давнем предложении, которое сегодня готов с благодарностью ответственно обсудить.

– Хм... Ники, – Вильгельм бесцеремонно прервал кузена, не успев даже дожевать кусок запеченной оленины, которым вознамерился заесть последнее из пирожных, – перестань, пожалуйста, распинаться передо мной, как перед своим Госсоветом. Давай так: к делу, так к делу. Но бутылочку с рюмками мы берем с собой. И еще – вот эту тарелочку. Не возражаешь? Кстати, уж если ты столь категорически настаиваешь на секретности, я попозже покажу тебе один документ. Только тебе. Над ним я провел не одну бессонную ночь... Но прости, ты ведь начал говорить о каком-то моем предложении?

По ходу ужина кайзер успел несколько успокоиться, поскольку задача подведения Николая к мысли о военном союзе отпала сама собой: царь говорил о том же. Но, что интересно, говорил пока явно от себя, не цепляясь за инструкции Ламсдорфа и как будто вовсе не страшась извечного антигерманизма Аничкова дворца.

Значит, вопрос только в том, сколь точно Бюлов с Гольштейном попали в цель, составляя проект договора. Во всяком случае, ту правку, которую он собственноручно внес в подготовленный ими исходник и которую Вильгельм посчитал

необходимой. Ограничивая действие договора только границами Европы, можно было не опасаться за судьбу турок и не плодить себе врагов в САСШ и Японии: неизвестно же еще, чем там все у русских закончится. Но пусть хоть так, пускай в усеченном виде, – только бы он подписал! Только бы удалось вбить первый клинышек между Петербургом и Парижем!..

– Тебе разве откажешь, Вилли? Сам ведь возьмешь, что понравилось.

– Ха! Ты же меня знаешь! – Вильгельм довольно расхотался, чуть не вывалив по пути на ковер все содержимое тарелки с закусками. – Ну, так и что, мой дорогой, ты мне намерен припомнить? Я весьма заинтригован...

– Хорошо ли ты помнишь, Вилли, тот день, когда предложил моему родителю раздел Европы? И в ответ он не просто жестоко высмеял тебя, но и бестактно допустил огласку этого факта...

– Ники... Зачем? Зачем ты об этом? – по виду Вильгельма нельзя было сразу понять, куда сейчас вывернет его холеричная натура – на обиду, крик или на депрессивную прострацию. Очевидным было лишь то, что память о давней бестактности Александра III с того самого времени сидела болезненной занозой в уязвленной гордыне кайзера, и неожиданное «наступление на любимую мозоль» мгновенно вытащило тягостные переживания из потаенного уголка души, где они до этого прятались. – Мне слишком больно об этом вспоминать. Ведь он тогда не только...

– Вилли, постой. Я напоминаю тебе об этом лишь с одной-единственной целью, – Николай встал, пристально глядя в глаза Вильгельму. – Я не только как давний друг и родственник, но как государь и самодержец Всероссийский приношу тебе, императору Германскому и королю Прусскому, глубочайшие и искренние извинения за сказанное тебе тогда императором Александром Александровичем. И смиренно прошу тебя о прощении за то, что не сделал этого ранее и публично. Но огласка этого факта...

– Ники! – Вильгельм резко вскочил и, вплотную подойдя к Николаю, положил правую руку ему на плечо. В глазах кайзера стояли слезы. – О, брат мой! Наконец-то. Свершилось правосудие Господне! Я ведь уже начинал думать, что никогда не услышу этого от тебя. Ники... ну, почему ты молчишь?

– Я прощен, брат мой? Между нашими домами больше нет скрытых обид?

– Боже мой, конечно! Но... Ники, сто чертей мне в печенку, какой ты все-таки неисправимый формалист! И, конечно, мы не будем никому говорить об этом, в свете того, *что* сегодня обсуждаем. Я вполне тебя понимаю.

– Вилли, прости. Это совсем не формализм. Я должен был это сделать. И *это* услышать. Ибо только теперь мы можем, вполне доверяя друг другу, обсуждать *всё* и планировать наши дальнейшие совместные шаги.

– Дорогой мой, не становись скучным в такой момент! Се-

годня ты творишь историю! Хотя это и не повод мучить меня высокопарными фразами. Но ты даже не представляешь себе, сколь сильно облегчил мою душу! Скольким сомнениям, терзаниям и печалям положен конец. Я счастлив, что этот день все-таки пришел, и недомолвок между нами отныне нет... За тебя, Ники!.. Прозит! А теперь рассказывай, что ты хочешь мне предложить. Я – весь внимание. Но имей в виду, что, возможно, и у меня к тебе будут встречные идеи.

– Хорошо. Только, если не возражаешь, начну издали, – Николай прошелся по салону и, подойдя к шкафу, вынул из него небольшой глобус на малахитовой подставке, подаренный командиру броненосца родственниками кого-то из кают-компанейских офицеров – А вот эта замечательная вещьца нам как раз и поможет. Смотри, Вилли, какая тонкая работа. Каждая страна из своего цветного камня, а все границы, похоже, – серебряные проволочки или платина. Просто замечательная работа!

Погляди: вот она, наша старушка Европа. Вот Германия. А вот Россия. Если просто сопоставить масштаб, вся Европа – мелочь в сравнении с ней. Но ведь есть еще и весь остальной мир. А он, как видишь, почти на треть в синих тонах. Это Британия и ее зависимые территории. И еще – Североамериканские Штаты. По правде говоря, Южную Америку мастеру тоже надо было бы выкладывать в зеленых оттенках, как и республику Рузвельта. Он тебе зацепиться у него под боком не даст ни под каким предлогом, не надейся. Ибо та-

кой же твой друг, как и султан: пока ему от немцев что-то надо и не в ущерб себе...

Так что же мы видим, глядя на наш мир? А видим мы, что народ, живший когда-то на одном маленьком островке, сегодня владеет или монопольно собирает дань с земель, в несколько раз превосходящих по площади Россию, если и моря между ними считать тоже. Если сравнивать с Германией, то вообще получается не смешно даже. При этом сегодня именно твоя держава является признанным мировым лидером по темпам промышленного и научного роста, обгоняющим даже североамериканцев.

Я вполне понимаю, что германской торговле, капиталу и предприимчивости тесно в тех рамках, в которых они ныне существуют. Причем в рамках явно искусственных, во многом определенных британским доминированием в морских перевозках, которые островитяне рассматривают чуть ли не как свое естественное и вечное, как сам мир, наследное достояние лендлордов эпохи майората. Справедливо ли это? Риторический вопрос.

Конечно, я постараюсь помочь тебе и твоему народу-труженику: в России столько неосвоенных природных богатств, столько скрытых возможностей, что нам самим и за сотню лет половины не освоить, не поставить на службу людям. Поэтому германский капитал получит в моей стране преференции для самого благоприятного приложения. В наиболее выгодных условиях окажутся совместные предприятия. Мы

уже говорили об этом.

Но, к сожалению, будем во всем откровенны, пока большинство крестьян у меня предпочитают тратить свои свободные деньги не на покупку товаров для дома, мешка удобрений или нового плуга для работы, а на водку. Спасибо Вите, кстати. Конечно: доход бюджета! Но он не важнее здоровья народа. Мы с Петром Аркадьевичем думаем о том, как уже в скорости изменить такое постылое положение вещей. Но пока – что есть, то есть.

Большинство же из остальных мировых рынков, подходящих для экспансии немецких фабрикатов и капиталов, узурпированы англосаксами. Поэтому твое решение овладеть морями, построив флот, который заставит бриттов уважать право немцев на свободную, неограниченную торговлю, вполне своевременно и логично. Это историческое решение, сравнимое, пожалуй, только с деяниями царя Петра. Но должен признать, что у тебя пока получается лучше. Петру Алексеевичу пришлось добиваться своего плетью и кровью. Ты же сумел убедить свой народ... Этот бокал за тебя, Вилли! Прозит!

– Ники, признайся, ты ведь мне специально бессовестно льстишь, сравнивая с величайшим из российских императоров? Но увидишь, я буду достоин такого сравнения!.. Итак, за священный союз, который отныне скрепит не только сердца и души двух властителей, но и их народы!

– За наш *тайный* союз, Вилли. Если мы собрались играть

на английском поле, не забывай, пожалуйста, что правила на нем установили они. Сила Британии не только в колоннах броненосцев и бездонности сундуков Сити. Это еще и их дипломатия, где царит тайна реальной политики и полуправда, безответственный намек или, в случае самой крайней необходимости, циничное вранье политики публичной. Так что нам придется о многом молчать. А иногда, уж извини, попросту бессовестно лгать. В том числе и нашим народам, нашим самым ближайшим и верным сподвижникам. Ибо подругому играть на победу с британцами, как и с североамериканцами, невозможно. Их нужно сперва перехитрить, а уж потом победить. И иного пути нет. Как бы ни было это противно нашему нутру и чести. Слишком много поставлено на кон сегодня... Кстати, ты ведь говорил, что крепкие напитки – это не твое?

– Да... Но это – просто нектар богов, мой дорогой. На *такое* мое воздержание не распространяется, – рассмеялся Вильгельм. – Тем более, по такому поводу поднять бокал с чем-то другим – это моветон... Задурить дядюшку с его лордствами! Но, пожалуй, на пару у нас это должно получиться... Прозит!

– Так, на чем же я остановился? Ты строишь для немцев флот. Зачем – понятно. И знаешь, конечно, что Германию на этом пути ждет яростное сопротивление со стороны всего англосаксонского мира и их союзников. Не для того же они физически и экономически захватывали две трети мира, по-

следовательно поборов испанцев, голландцев и французов, чтобы с кем-то потом честно конкурировать. Или, Боже упаси, делиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.